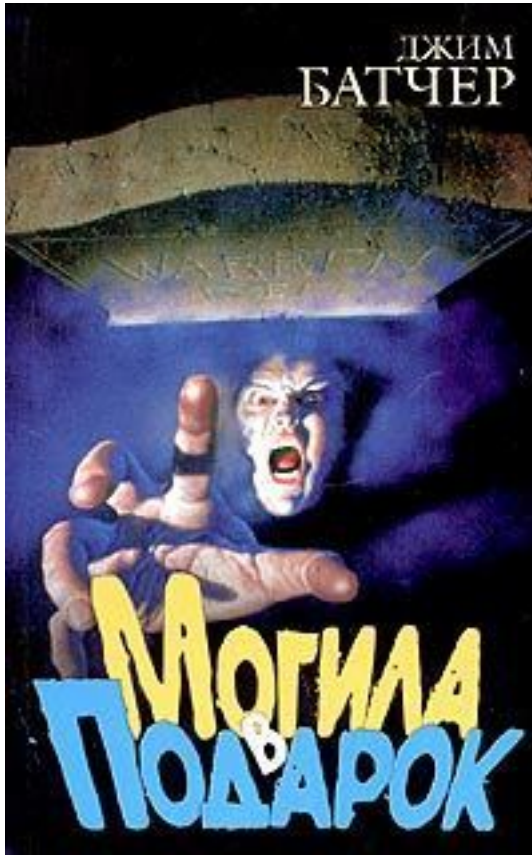
ДЖИМ
БАТЧЕР
Могила в подарок

Джим Батчер
Могила в подарок
Серия «Досье Дрездена», книга 3

Доп. вычитка – Darfai, Ego (проект вычитки книг на Альдебаране)
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118515
Джим Батчер. Могила в подарок: АСТ, Ермак; Москва; 2004
ISBN 5-17-023029-X, 5-9577-1239-5
Оригинал: JimButcher, "Grave Peril"
Перевод:
Н. К. Кудряшов

Аннотация

Охотник на черную нежить, чья профессия – рисковать собственной шкурой в борьбе с порождениями Ночи.

Изгой, некогда поднявший руку на собственного учителя и теперь оставшийся со смертью один на один.

Гарри Дрезден.

Мастер, умеющий многое.

Но нынешние его враги – бесплотны, и невозможно справиться обычными средствами с армией призраков, несущих хаос и разрушение в мир живых.

Призраки не подчиняются законам магии.

Одна ошибка – и из мира живых исчезнет сам Гарри Дрезден.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	14
Глава третья	30
Глава четвертая	39
Глава пятая	53
Глава шестая	65
Глава седьмая	73
Глава восьмая	86
Глава девятая	101
Глава десятая	120
Глава одиннадцатая	132
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Джим Батчер
Могила в подарок
(Досье Дрездена-3)

Глава первая

Существуют причины, по которым я терпеть не могу ездить быстро. Ну, например, мой «Голубой Жучок», несчастный «Фольксваген», в котором я разъезжаю, начинает угрожающе дребезжать и подвывать на любой скорости, превышающей шестьдесят миль в час. И еще, отношения с техникой у меня самые напряженные. Все, что изготовлено после Второй Мировой войны, имеет обыкновение внезапно выходить из строя, стоит мне только приблизиться. В общем, когда я веду машину, как правило, я делаю это очень осторожно, с чувством и расстановкой.

Сегодня как раз было исключение из правил.

Шины «Жучка» протестующе взвизгнули, когда я свернул за угол, откровенно наплевав на установленный там знак «ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ ЗАПРЕЩЕН». Старая машинка взрычала зверем, словно чувствуя, что поставлено на карту, и с лязгом и ворчанием покатила дальше по улице.

– А быстрее нельзя? – поинтересовался Майкл. Это была

не жалоба. Это был просто вопрос, заданный спокойным тоном.

– Только при попутном ветре или на спуске, – ответил я. – Далеко еще до больницы?

Сидевший рядом со мной здоровяк пожал плечами и мотнул головой. Он отличался шевелюрой пепельного цвета – черной с проседью – какую некоторые, похоже, наследуют едва ли не с рождения, хотя борода его все еще оставалось темно-каштановой, почти черной. Морщины – как от огорчений, так и от смеха – в изобилии избороздили его лицо. Широкие, жилистые руки покоились на коленях, упертых в торпедо.

– Не знаю точно, – признался он. – Мили две.

Я хмуро покосился в окошко «Жучка» на быстро темнеющее небо.

– Солнце почти село. Надеюсь, мы не слишком поздно.

– Мы делаем все, что в наших силах, – заверил меня Майкл. – С Божьей помощью мы приедем вовремя. Вы уверены в точности своего… – рот его брезгливо скривился, – «информатора»?

– Боб, конечно, раздолбай, но ошибается редко, – заверил я его, резко тормозя, чтобы не врезаться в мусоровоз. – Если он сказал, что призрак там, значит, он там.

– Да поможет нам Бог, – вздохнул Майкл и перекрестился. Я ощутил сгустившуюся вокруг него мощную, спокойную энергию – энергию веры. – Кстати, Гарри, мне хотелось по-

говорить с вами кое о чем.

– Только не приглашайте меня снова на мессу, – сказал я, сразу ощутив себя неуютно. – Вы же знаете, я все равно откажусь, – какой-то олух на красном «Торусе» подрезал меня, и мне пришлось обгонять его по боковой полосе. Правые колеса «Жучка» на мгновение оторвались от земли. – Козел! – рявкнул я ему в водительское окошко.

– Эта просьба тоже важна, – кивнул Майкл. – Но нет, я не об этом. Я хотел спросить, когда вы собираетесь жениться на мисс Родригез.

– Черт возьми, Майкл, – нахмурился я. – Вот уже битых две недели мы с вами гоняемся по всему городу, охотясь на всех духов и призраков, которым вдруг вздумалось повысовывать свои чертовы головы. Мы до сих пор не знаем, что поставило весь потусторонний мир на уши.

– Я знаю, Гарри, но…

– Вот сейчас, например, мы гоним к старой, сбрендившей карге в округе Кук, которая укокошит нас, если мы не соберемся как следует. А вы лезете ко мне с расспросами насчет моей личной жизни.

Майкл насупился.

– Но вы же спите с ней, так ведь?

– Не так часто, как хотелось бы, – буркнул я, перестраиваясь, чтобы обогнать рейсовый автобус.

Рыцарь вздохнул.

– Но вы ее любите? – спросил он.

– Майкл, – взмолился я. – Оставьте же меня в покое хоть ненадолго. Неужели без таких расспросов никак не обойтись?

– Вы ее любите? – настаивал он.

– Черт, я за рулем!

– Гарри, – улыбнулся он. – Вы любите эту девушку или нет? Такой простой вопрос.

– Поговорите с тем, кто в этом разбирается, – огрызнулся я, проносясь мимо сине-белой машины со скоростью, превышающей установленную миль на двадцать в час. Я успел еще заметить, как полицейский за рулем при виде моего «Жучка» вздрогнул и пролил кофе из стаканчика. Покосившись в зеркало заднего вида, я увидел, как ожили синие мигалки на крыше у его «Форда». – Черт, только этого еще не хватало. Теперь за нами еще и копы гонятся.

– На их счет не беспокойтесь, – заверил меня Майкл. – Просто ответьте на вопрос.

Я покосился на Майкла. Он смотрел на меня, выпятив мощную челюсть; серые глаза его сияли. Волосы свои он стриг коротко, на манер морской пехоты, однако позволял себе короткую, рыцарскую бородку.

– Пожалуй, да, – сказал я, помолчав. – Ну, да.

– Тогда чего же вы не скажете ей этого?

– Чего сказать? – не понял я.

– Гарри, – терпеливо настаивал Майкл, цепляясь за торпедо, чтобы не упасть на крутом повороте. – Ну не будьте же

ребенком. Если вы любите женщину, так и скажите.

– Зачем? – удивился я.

– Вы ведь ей этого не говорили, нет? Ни разу?

Я смерил его сердитым взглядом.

– И что из этого? Она это и так знает. Какая тогда разница?

– Гарри Дрезден, – вздохнул он. – Уж кому, как не вам знать силу слов.

– Послушайте, но она ведь знает, – сказал я, перекидывая ногу на педаль тормоза, а потом обратно на педаль газа. – Я и открытку ей послал.

– Открытку? – переспросил Майкл.

– На пробу.

Он снова вздохнул.

– Я хочу слышать, как вы произнесете это своими словами.

– Что?

– Своими словами, – повторил он. – Если вы любите женщину, почему бы вам просто не сказать так?

– Я как-то не слишком часто говорю это, Майкл. Небо свидетель, да это… Ну, не получается у меня, ладно?

– Ясно, – сказал Майкл. – Вы ее не любите.

– Вы же знаете, что это не…

– ***Скажите*** это, Гарри.

– Если вы отстанете от меня, – взмолился я, выжимая педаль газа моего многострадального «Жучка» до отказа, –

пусть будет так, – в зеркале заднего вида мерцала синяя мигалка; впрочем, копы застряли в потоке и не слишком приближались. Я испепелил Майкла взглядом. – Я люблю ее. Так сойдет?

Майкл просиял.

– Вот видите? Это единственное, что стоит между вами. Вы ведь не из тех, кто любит распространяться о своих чувствах. Или вглядываться в свою душу. Знаете, Гарри, время от времени вам нужно просто посмотреть в зеркало и поразмыслить над тем, что вы видите там.

– Не люблю зеркал, – проворчал я.

– Все равно, главное, чтобы вы сами поняли, что любите эту женщину. Я боялся, что после Элейн вы слишком замкнетесь и никогда…

Я вдруг не на шутку разозлился.

– Я не желаю говорить об Элейн, Майкл! Вообще. Если вы не можете без этого, выметайтесь из моей машины и дайте мне работать самостоятельно.

Майкл обиженно насупился – возможно, не столько из-за самой моей реакции, сколько из-за выбора выражений.

– Я говорю о Сьюзен, Гарри. Если вы любите ее, вы должны жениться на ней.

– Я волшебник. Мне некогда жениться.

– А я рыцарь, – отозвался на это Майкл. – И у меня есть время. Оно того стоит. Вы слишком много времени проводите в одиночестве. Это становится заметно.

Я нахмурился еще сильнее.

– Что вы хотите этим сказать?

– Вы напряжены. Раздражительны. И замыкаетесь все сильнее. Вам необходимо общаться с людьми, Гарри. Иначе слишком велик риск того, что вы собьетесь на темный путь.

– Майкл, – взорвался я. – Мне на фиг не нужна лекция. Мне на фиг не нужно, чтобы меня пытались обратить. Мне на фиг не нужны разговоры о том, чтобы я «отказался от сил зла, пока они не поглотили меня». Хватит. Все, что мне нужно – это ваша поддержка, пока я буду справляться с этой тварью.

В ветровом стекле показалась больница Кук-Каунти, и я, нарушая правила, развернулся через разделительную полосу, подгоняя «Голубого Жучка» к подъезду для машин «Скорой».

Не дожидаясь, пока машина остановится, Майкл отстегнул ремень безопасности, перегнулся через спинку и достал с заднего сиденья огромный, не меньше пяти футов в длину меч в черных ножнах. Потом выбрался из машины, пристегнул ножны на пояс, снова полез в салон за белым плащом с вышитым на груди с левой стороны красным крестом. Натренированным движением он облачился в плащ, застегнув его у шеи еще одним крестом, на этот раз серебряным. Это плоховато вязалось с его фланелевой рабочей рубахой, синими джинсами и бутсами на металлических подковках.

– Неужели хотя бы без плаща нельзя обойтись? – про-

должал ворчать я, открывая дверь и с наслаждением вытягивая свои длинные ноги – сами понимаете, с моим ростом вести «Жучка» приходится, согнувшись в три погибели. Потом я забрал с заднего сиденья собственный инвентарь: новые жезл и посох, свежевырезанные, даже немного еще смолистые.

Майкл посмотрел на меня с нескрываемой обидой.

– Плащ, Гарри, такая же важная составляющая того, что я делаю, как меч. И потом, он уж не чуднее той куртки, что на вас.

Я опустил взгляд на свою черную куртку, замечательным образом хлопавшую на ветру. И уж мои черные джинсы и темная рубаха были тонны на полторы моднее его наряда.

– А что в ней такого?

– Ей место на съемках вестерна, – сказал Майкл. – Вы готовы?

Я еще раз испепелил его взглядом – на что он с улыбкой повернулся ко мне другой щекой – и мы зашагали к дверям. Позади, кварталах в двух от нас послышалась полицейская сирена.

– Едва успели.

– Раз так, поспешим, – кивнул Майкл. Он поддернул правый рукав плаща и положил руку на эфес меча. Потом склонил голову и перекрестился.

– Отче милосердный, – прошептал он. – Направь нас и оборони в битве с силами тьмы, – вокруг него снова сгусти-

лось облако энергии, ощутимое примерно как вибрация музыки, проникающая к тебе сквозь толстую стену.

Я тряхнул головой и достал из кармана ветровки кожаный мешочек размером с мой кулак. Некоторое время я путался, что в какую руку взять; в конце концов посох, как и положено, оказался в левой руке, жезл – в правой, а мешочек болтался, зажатый в зубах.

– Солнце село, – процедил я, не разжимая зубов. – Нам пора.

И мы – рыцарь и чародей – бегом ворвались в служебный вход больницы округа Кук. Наше появление привлекло к себе не один взгляд: за моей спиной черным облаком эффектно развевалась ветровка, а белый плащ Майкла и вовсе превратился в крылья архангела, именем которого, собственно говоря, его и окрестили. Мы вихрем пронеслись по служебному вестибюлю и остановились на первом же пересечении сияющих стерильной чистотой больничных коридоров.

Я ухватил за рукав первого же пробегавшего мимо санитара. Тот зажмурился, потом уставился на меня – от фермерских бутсов и до всклокоченных черных волос. Он опасливо покосился на мои посох и жезл, и еще более опасливо – на амулет в виде серебряной пентаграммы, висевший у меня на груди. Судорожно сглотнув, он перевел взгляд на Майкла – высокого, широкоплечего, хранившего совершенно невозмутимый вид несмотря на белый плащ и меч на бедре.

– Ч-чем могу п-помочь? – поинтересовался он, пятясь от

нас.

Я пригвоздил его к полу самой кровожадной из своих улыбок.

– Здрасте, – прошипел я, продолжая сжимать в зубах кожаный мешок. – Не подскажете ли вы нам, где здесь родильное отделение?

Глава вторая

Мы поднимались по пожарной лестнице. Майклу известно, как реагирует на меня современная техника, и уж меньше всего нам хотелось застрять в лифте и торчать там, пока призрак губит невинные жизни. Майкл шел первым, одной рукой опираясь на перила и положив вторую на эфес меча.

Я поспевал за ним, задыхаясь. У самой двери Майкл задержался и оглянулся на меня. Мне потребовалось еще две-три секунды, чтобы, пыхтя и отдуваясь, догнать его.

– Готовы? – спросил он меня.

– Пх-х-х-фуф, – ответил я и кивнул, так и не выпустив из зубов свой кожаный мешок. Потом выудил из кармана куртки белую свечу и коробок спичек. Чтобы зажечь свечу, мне пришлось прислонить жезл и посох к стене.

Майкл сморщил нос – свечка изрядно чадила – и толчком распахнул дверь. Держа в одной руке свечу, а в другой – жезл и посох, я последовал за ним. Взгляд мой перебегал со свечного пламени на окружение и обратно.

Все, что я видел пока – это обыкновенную больницу. Чистые стены, чистые полы, обилие кафеля и ламп дневного света. Лампы, правда, мерцали едва-едва, словно разом перегорели, так что в помещении царил полумрак. Длинные тени тянулись от стоящего у двери кресла-каталки и сгущались под на редкость неудобными на вид пластиковыми сту-

льями, приставленными к стене в месте пересечения двух коридоров.

На четвертом этаже стояла могильная тишина. Ни голоса из радио или телевизора. Ни звонка внутреннего телефона. Ни шороха кондиционеров. Ничего.

Мы пересекли большой холл; шаги наши гулко раздавались в тишине несмотря на все наши старания ступать тише. Указатель на стене, украшенный ярким пластмассовым клоуном, гласил: «ДЕТСКОЕ И РОДИЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЯ», и стрелка на нем направляла в другой холл.

Я обошел Майкла и заглянул дальше. Холл заканчивался парой качающихся дверей. Здесь тоже стояла полная тишина. Казалось, в детском отделении никого нет.

Свет здесь не мерцал – он погас совсем. Здесь царила темнота. Отовсюду ко мне подступали тени и неопределенные формы. Я сделал шаг вперед, и огонек свечи уменьшился, превратившись в холодную, яркую точку голубого света.

Я, наконец, выплюнул мешок и сунул его себе в карман.

– Майкл, – прошипел я перехваченным от напряжения голосом. – Она здесь, – я повернулся, чтобы он тоже мог видеть свет.

Взгляд его скользнул по свече и снова уперся в темноту.

– Вера, Гарри, вера, – правая рука его потянулась к поясу и медленно, бесшумно потянула *«Авораккиус»* из ножен. Это его движение показалось мне несколько более ободряющим, нежели его слова. Полированная сталь широкого клин-

ка чуть светилась, и, когда Майкл сделал шаг и остановился рядом со мной, воздух слегка завибрировал от скрытой в нем мощи – веры Майкла, которую древнее оружие усилило стократ.

– Куда делся персонал? – спросил он меня хриплым шепотом.

– Разбежался, наверное, – отвечал я так же тихо. – А может, на него наложены какие-то чары. Так или иначе, под ногами они не мешаются.

Я покосился на меч и на длинный, узкий желоб по всей длине лезвия. Возможно, это мне только мерещилось, но мне показалось, я вижу в глубине его что-то красное. Ржавчина, наверное, подумал я. Конечно, ржавчина.

Я поставил свечу на пол, и она продолжала светиться там маленькой, яркой точкой, обозначая присутствие потусторонних сил. Еще какое присутствие. Боб не сочинял, говоря, что дух Агаты Хэгглторн не отбрасывает двойной тени.

– Не вмешивайтесь, – сказал я Майклу. – Дайте мне минуту.

– Если то, что говорил ваш дух, правда, этот призрак опасен. Пустите меня первого. Так будет спокойнее.

Я мотнул головой в сторону светящегося клинка.

– Поверьте мне, призрак учует приближающийся меч прежде, чем вы успеете подойти к двери. Посмотрим, что смогу сделать я. Если я смогу развеять чары, вся эта история закончится, не успев начаться.

Я не стал дожидаться ответа. Вместо этого я перехватил жезл и посох левой рукой, а правой стиснул кожаную кошелку. Развязав стягивающий ее простой узел, я скользнул вперед, в темноту.

В несколько шагов я оказался у качающихся дверей и осторожно толкнул створку. Потом застыл, прислушиваясь.

Я услышал пение. Женский голос. Нежный. Симпатичный.

– Баю, крошка, баю-бай.

Спи, малютка, засыпай…

Я оглянулся на Майкла, потом скользнул в дверь, в кромешную темноту. Я ничего не видел – но, в конце концов, чародей я или где? Я подумал о висевшей у меня на сердце пентаграмме, серебряном амулете, доставшемся мне в наследство от матери. Помятая бранзулетка, в щербинах и царапинах от долгого использования в целях, на которые ее никак не рассчитывали – и все же я продолжаю носить ее. Круг с заключенной в него пятиконечной звездой – символ моей магии, в которую я верю; пять стихий Вселенной, действующих в согласии под контролем человеческой воли.

Я сосредоточился на нем, послав в него толику моей энергии, и амулет засветился мягким, серебряно-голубым сиянием, волной прокатившимся передо мной. Он высветил упавший стул и парочку медсестер за столиком, застывших перед своими компьютерами. Они глубоко дышали, но не шевелились.

Негромкая, усыпляющая колыбельная не стихала. Зачарованный сон. Старо как мир. Девицы вырубились, хоть и находились здесь, и я не видел смысла расходовать энергию, пытаясь разрушить наложенное на них заклятие. Пение все продолжалось, и я вдруг сообразил, что тянусь к упавшему стулу, чтобы поставить его – иначе где мне найти удобное место, чтобы присесть на чуток?

Я застыл и напомнил себе, что с моей стороны было бы верхом идиотизма садиться под звуки этой потусторонней песни – даже на пару секунд. Чертовски тонко наведенная магия, но от этого не менее сильная. Даже зная, что ожидать, я едва не попался на крючок, избежав этого в самый последний момент.

Я обогнул стул и двинулся дальше, в комнату, полную вешалок с висевшими на них больничными халатами. Пение сделалось громче, хотя, как это и положено потусторонним звукам, местоположение его источника не поддавалось определению. Одна стена представляла собой прозрачную перегородку из плексигласа, а помещение за ней казалось одновременно теплым и стерильным.

Помещение это заполняли ряды маленьких стеклянных колыбелек на колесиках. Их крошечные обитатели в крошечных больничных рукавичках и шапочках на лысых головках спали и видели свои невинные младенческие сны.

Между ними двигался, видимый в сиянии моего магического света, источник пения.

Агата Хэгглторн умерла далеко не старой. Как и подобало женщине ее положения, она была одета в приличную по меркам Чикаго середины девятнадцатого века блузку с высоким воротничком и длинную, темную юбку. Я мог видеть сквозь нее, но во всех остальных отношениях она казалась настоящей, материальной. Лицо ее можно было бы назвать симпатичным, несмотря на некоторую костлявость, и правой рукой она прикрывала обрубок, которым заканчивалось ее левое запястье.

– *Баю-баюшки, баю, не ложися на краю…*

Черт, голос у нее был и правда завораживающий. В буквальном смысле этого слова. Энергия песни обволакивала слушателей, погружая их в глубокий сон. Позволь ей петь и дальше, и она нагонит на всех – и на сестер, и на младенцев – сон, от которого им никогда уже не проснуться, а власти припишут это избытку двуокиси углерода или еще какой-нибудь дряни, но никак не злобному призраку.

Я подкрался ближе. Запаса антипризрачного порошка у меня хватало в избытке, чтобы заморозить на месте Агату и еще дюжину подобных призраков, а потом Майкл разделался бы с ней без труда. Тут главное – не промахнуться.

Я пригнулся, покрепче сжал в правой руке мешок с антипризрачным порошком и на цыпочках подобрался к двери, которая вела в палату со спящими младенцами. Похоже, призрак пока не замечал меня – призраки вообще не отличаются избыточной наблюдательностью. Наверное, смерть за-

метно меняет подход к житейским проблемам.

Я вошел в палату, и голос Агаты Хэгглторн накатил на меня инъекцией наркотика, заставив меня на мгновение зажмуриться и зябко передернуть плечами. Мне приходилось изо всех сил концентрировать мысли на потоке магической энергии, струившейся из амулета-пентаграммы и освещавшей помещение.

– *Придет серенький волчок…*

Я облизнул пересохшие губы и задержался на мгновение, глядя, как она склоняется над одной из колыбелей-каталок. Она с нежностью улыбнулась и напела еще строчку на ухо младенцу.

– *Баю-баюшки…*

Все, дальше медлить нельзя. В идеальном мире мне полагалось бы просто высыпать порошок на призрака, и дело с концом. Беда только, мир далек от идеала, и призраки не обязаны подчиняться правилам реальности, так что поразить их каким-либо образом, пока они не поймут, что вы здесь, очень трудно, почти невозможно. Выходит, иного пути, нежели конфронтация, нет, и даже так, заставить их обратить свое внимание на вас можно, только произнеся вслух их истинное имя. Более того, большинство духов не слышат почти никого – чтобы они вас услышали, приходится прибегать к магии.

Я выпрямился во весь рост, зажав мешок в руке, и постарался вложить в голос всю свою волю:

– Агата Хэгглторн! – крикнул я.

Дух вздрогнул, словно мой голос донесся до нее едва-едва, издалека, и повернулся ко мне. Глаза ее округлились. Пение резко оборвалось.

– Кто вы? – спросила она. – И что делаете в моей детской?

Я постарался припомнить все подробности, которые рассказывал мне о призраках Боб.

– Это не твоя детская, Агата Хэгглторн. Со времени твоей смерти прошло больше ста лет. Ты не настоящая. Ты призрак, и ты мертва.

Дух смерил меня недоверчивым взглядом и улыбнулся холодной, презрительной улыбкой.

– Я могла бы сразу догадаться. Вас прислал Бенсон, верно? Бенсон всегда придумает что-нибудь жестокое, а потом обзывает меня юродивой. Юродивой! Он хочет лишить меня моей малышки.

– Бенсон Хэгглторн давным-давно умер, Агата Хэгглторн, – отвечал я, изготовившись к броску. – И твой ребенок тоже. И ты сама. Эти крошки не твои, ты не должна петь им или уносить их, – моя рука с мешком подалась вперед.

Призрак посмотрел на меня в полнейшем замешательстве. В этом вся сложность общения с материальными, по-настоящему опасными призраками. Они так похожи на людей. Кажется, будто они обладают чувствами, каким-то самосознанием. Однако они не живы – они все равно что окаменелый отпечаток, ископаемый скелет. Они похожи на ори-

гинал, но это не оригинал.

Но я сочувствую даме, попавшей в беду. Всегда был таким. Это уязвимое место моего характера, этакая брешь в броне шириной в милю, а глубиной и вдвое больше. Я увидел на лице Агаты-призрака боль одиночества, и испытал к ней что-то вроде сочувствия. Я снова опустил руку. Как знать, если мне повезет, я мог бы уговорить ее уйти. Духи – они такие: доведи до них реальную ситуацию, в которой они оказались, и они испарятся.

– Мне очень жаль, Агата, – сказал я. – Но ты не та, какой себе представляешься. Ты призрак. Отражение. Настоящая Агата Хэгглторн умерла больше века назад.

– Н-нет, – дрогнувшим голосом произнесла она. – Это неправда.

– Это правда, – настаивал я. – Она умерла в ту же ночь, что и ее муж и ребенок.

– Нет, – простонал дух, зажмурив глаза. – Нет, нет, нет, нет. Я не желаю слушать такое, – она снова запела себе под нос, тихо, безнадежно – на этот раз без всякого заклятия, не угрожая неосознанным уничтожением. Однако новорожденная девочка так и не дышала, а губы ее начали синеть.

– Послушай меня, Агата, – произнес я, вложив в голос больше воли, больше магии, чтобы призрак слышал меня. – Я все про тебя знаю. Ты умерла. Вспомни: твой муж избивал тебя. Ты боялась, что он будет бить и твою дочь. И когда она начала плакать, ты зажала ей рот рукой, – я ощущал себя со-

вершеннейшим ублюдком, так холодно копаясь в прошлом этой женщины. Призрак она или нет, боль на ее лице была настоящей.

– Я этого не делала, – всхлипнула Агата. – Я не делала ей больно.

– Ты не хотела делать ей больно, – сказал я, выкладывая информацию, которой обеспечил меня Боб. – Но он был пьян, а ты запугана, и когда ты опустила взгляд, она уже была мертва. Это ведь так было? – я облизнул губы и снова посмотрел на новорожденную. Если я не разберусь с этим быстро, она умрет. Ее молчание наводило жуть – она лежала в колыбельке резиновой куклой.

Что-то – искра воспоминания – осветила глаза призрака.

– Я помню, – прошипела она. – Топор. Топор, топор, топор! – пропорции лица ее изменились, вытянулись, оно сделалось костлявее, изящнее. – Я взяла свой топор, свой топор, свой топор, и врезала моему Бенсону двадцать раз, – дух как бы растягивался, а по комнате вихрем пронесся исходивший из него призрачный ветер, полный запахов железа и крови.

– Ох, черт, – пробормотал я и приготовился броситься к девочке.

– Мой ангелочек мертв, – взвизгнул призрак. – Бенсон мертв. А потом и рука, рука, рука, убившая их обоих! – она высоко подняла обрубок руки. – Мертвы, мертвы, мертвы! – она запрокинула голову и завизжала еще громче – по-звериному, так, что заложило уши, а стены палаты содрогнулись.

Я прыгнул вперед, к бездыханному тельцу ребенка, и, стоило мне сделать это, как остальные дети хором заревели. Я дотянулся до девочки и с размаху шлепнул ее по розовой попке. Она потрясенно открыла глаза, вздохнула, личико ее сморщилось, и она заревела едва ли не громче всех остальных вместе взятых.

– Нет! – взвизгнула Агата, – Нет, нет, нет! Он тебя услышит! Он услышит! – обрубок ее левой руки метнулся ко мне, и я ощутил удар – и по груди, и по моей душе, словно глубоко в меня вонзили кусок льда. Удар как игрушку отшвырнул меня к стене; жезл и посох покатились по полу. Возможно, по чистой случайности, я так и не выпустил свой мешок с порошком, но голова гудела от сотрясения как колокол, а по телу струился холодный пот.

– Майкл! – прохрипел я как мог громче, но дверь за моей спиной уже распахивалась, и шаги его тяжелых бутсов грохотали все ближе. Ветер усилился и превратился в ураган, раскатив колыбели на колесиках по всей комнате. Мне пришлось прикрыть глаза рукой. Черт. В такой ветер от порошка не будет никакого прока.

– Баю-бай, баю-бай, баю-бай, – призрак Агаты снова склонился над колыбелькой и сунул обрубок левой руки вниз, прямо в ротик младенцу. Прозрачная плоть как бы слилась с кожей девочки. Та дернулась и снова перестала дышать, не прекращая попыток плакать.

Я выкрикнул беззвучный вызов и ринулся на призрака.

Если мне не удается посыпать его порошком с противоположной стороны комнаты – что ж, можно попробовать сунуть мешок в его призрачную плоть и обездвижить изнутри. Процедура болезненная, но, вне всякого сомнения, не менее эффективная.

Голова Агаты повернулась в мою сторону, и она с рычанием отпрянула от ребенка. Волосы ее растрепались на ветру и взметнулись львиной гривой, куда как более подходящей хищному оскалу, которым сменились ее мягкие черты. Она вскинула левую руку, и у самого обрубка вдруг возникла короткая, окованная железом палица, которую она, взвизгнув по-кошачьи, обрушила мне на голову.

Призрачный металл лязгнул о настоящий булат, и в воздухе сверкнуло иссиня-белой вспышкой лезвие *«Амораккиуса»*. Оскалившись от усилия, Майкл отбил удар потустороннего оружия в каких-то паре дюймов от моего лица.

– Дрезден, – крикнул он. – Порошок!

Борясь с бешеными порывами ветра, я сделал шаг вперед, перехватил левую руку Агаты и вытряхнул из мешка немного порошка.

Соприкоснувшись с призрачной плотью, тот вспыхнул россыпью ярко-красных огоньков. Агата взвизгнула и отпрянула, но рука ее не шелохнулась, словно отлитая из бетона.

– Бенсон! – визжала Агата. – Бенсон! Спи, дитя мое! – и тут она просто отделилась от руки и исчезла. Оторванная по самое плечо рука на мгновение зависла в воздухе, а потом

рухнула на пол, разом превратившись в прозрачную, желеобразную массу – то, что остается от призрачной плоти, когда дух исчезает. Обыкновенно эта эктоплазма быстро испаряется, не оставляя следа.

Ветер стих, но светлее в помещении не стало. Мое сине-белое магическое сияние и меч Майкла как были, так и оставались единственными источниками света. Уши даже заложило от внезапной тишины, хотя с дюжину младенцев честно продолжали реветь в своих колыбельках.

– С детьми все в порядке? – спросил Майкл. – Куда она делась?

– Пожалуй, в порядке. А призрак… Призрак, наверное, перевоплотился, – предположил я. – Она поняла, что другого выхода у нее нет.

Майкл медленно поворачивался на месте, держа меч наготове.

– Значит, она ушла?

Я мотнул головой, оглядываясь по сторонам.

– Вряд ли, – ответил я и склонился над колыбелькой, в которой лежала чудом не удушенная девочка. На наручном браслете значилось ее имя: Элисон Энн Саммерс. Я погладил ее по крошечной щечке, и она повернулась и присосалась к моему указательному пальцу, разом перестав плакать.

– Уберите палец у нее изо рта, – строго сказал Майкл. – Он у вас грязный. И что теперь?

– Я наложу на палату охранительное заклятье, – сказал я. –

А потом мы уберемся отсюда, пока сюда не явилась полиция, чтобы нас арес…

Элисон Энн вздрогнула и перестала дышать. Ручки и ножки ее словно окаменели. Я ощутил, как что-то ледяное сгустилось в воздухе и накрыло ее, услышал далекие звуки безумной колыбельной.

– *Баю-баюшки, баю…*

– Майкл! – крикнул я. – Она все еще здесь! Ее призрак… он дотягивается сюда из Небывальщины!

– Господи, сохрани и спаси! – перекрестился Майкл. – Гарри, нам нужно туда, за ней.

Сердце мое застыло при одной мысли об этом.

– Нет, – сказал я. – Не выйдет. Слишком это опасно, Майкл, она слишком сильна. Я не хочу биться на ее территории голым и безоружным, при нулевых шансах.

– У нас нет выбора, – рявкнул Майкл. – Смотрите.

Я посмотрел. Один за другим младенцы умолкали на полувздохе.

– *Спи, малютка, засыпай…*

– Майкл, она нас на куски разорвет. А если не она, так уж моя крестная – наверняка.

Майкл нахмурился и мотнул головой.

– Клянусь Господом, нет. Я этого не допущу, – он посмотрел на меня в упор. – И вы, Гарри Дрезден, тоже. В вашем сердце слишком много добра, чтобы оставить этих малюток умирать.

Я ответил ему неуверенным взглядом. Еще в первую нашу встречу Майкл настоял, чтобы мы с ним встретились взглядами. Когда взглядом с тобой встречается чародей, дело серьезно. Он может заглянуть вглубь тебя, в самые сокровенные тайны твоей души – а ты в ответ видишь его. Заглянув в душу Майкла, мне хотелось плакать. От зависти. Хотелось бы мне, чтобы моя душа показалась ему такой же, как его – мне. Правда, я совершенно уверен в том, что это не так.

Воцарилась тишина. Младенцы молчали все до единого.

Я завязал мешок с призрачным порошком и сунул его в карман. В Небывальщине от него все равно не будет толка.

Я повернулся к своим упавшим посоху и жезлу и вытянул руку в их сторону.

– *Ventas servitas,* – буркнул я. Взметнулся вихрь, и жезл с посохом полетели мне в руки. Ветер стих.

– Ладно, – сказал я. – Я отворю окно, которое даст нам пять минут на все про все. Будем надеяться, моя крестная не успеет нас найти за это время. Любое промедление – и мы будем или мертвы, или вернемся сюда. Во всяком случае, я.

– У вас доброе сердце, Гарри Дрезден, – сказал Майкл, и на губах его заиграла опасная улыбка. Он сделал шаг и остановился бок о бок со мной. – Господь улыбнется этому нашему выбору.

– Угу. Попросите его не устраивать из моего жилья Содом и Гоморру, и мы будем в расчете.

Майкл бросил на меня обиженный взгляд. Я встретил его

как мог невозмутимо. Он сжал рукой мое плечо.

Я поднял руки, покрепче взялся кончиками пальцев за края реальности и напряг волю.

– *Aparturum,* – прошептал я и рванул тонкую перепонку, отделяющую наш мир от другого.

Глава третья

Даже дни, кульминацией которых становится грандиозная махаловка с призраком, а впридачу прогулка через границу, отделяющую наш мир от потустороннего, начинаются до ужаса обыденно. Этот, например, начинался с завтрака и работы в офисе.

Мой офис расположен в старом здании недалеко от центра Чикаго. Дом находится не в лучшем состоянии, особенно после той прошлогодней аварии лифта. И, что бы там ни говорили, моей вины в этом нет. Когда скорпион размером с ирландского волкодава продирается к тебе сквозь крышу лифтовой кабины, поневоле приходится идти на крайние меры.

Как бы то ни было, офис у меня небольшой: всего одна комната, зато угловая, с двумя окнами. Табличка на двери гласит просто: **ГАРРИ ДРЕЗДЕН, ЧАРОДЕЙ**. Сразу за дверью стоит стол, на котором разложены брошюры вроде: «Магия и Вы», или «Почему Ведьмы Тонут Не Быстрее Любого Другого – Точка Зрения Чародея». Большую их часть написал я сам. На мой взгляд, те, кто практикует наше искусство, должны заботиться о своем положительном образе в глазах общественного мнения. Хватит с нас Инквизиции.

За столом расположены раковина, кухонная стойка и старая кофеварка. Мой собственный рабочий стол стоит лицом

к двери, а перед ним я разместил два удобных кресла. Кондиционер дребезжит, вентилятор на потолке скрипит при каждом обороте, а в стены и ковер навсегда въелся запах кофе.

Зевая, я ввалился в комнату, налил себе кофе и, пока он остывал, проверил утреннюю почту. Письмо от Кэмпбеллов с благодарностью за изгнание призрака из их дома. В помойку. Ага, слава Богу, чек от Полицейского Управления Чикаго за мою последнюю работу на них. Жутковатое было дело. Все одно к одному: призывание демонов, человеческие жертвоприношения, черная магия – одним словом, гадость.

Я выпил кофе и решил позвонить Майклу и предложить ему долю от своего заработка – при том, что большую часть работы проделал я сам, им с *«Амораккусом»* все-таки довелось поучаствовать в развязке. Я справился с черным магом, он разобрался с демоном, и наши все-таки выиграли. Я влезал в это дело по уши, так что при таксе в пятьдесят баксов в час заработал в общей сложности две штуки. Ясное дело, Майкл откажется от денег (как всегда), но предложить ему долю представлялось мне естественным проявлением вежливости – особенно с учетом того, как много времени мы проводили вместе в последнее время в попытках обнаружить причину, по которой вся нечисть в городе словно с цепи посрывалась.

Телефон зазвонил прежде, чем я успел снять трубку.

– Гарри Дрезден, – представился я.

– Алло, мистер Дрезден? – промурлыкал мне на ухо том-

ный женский голос. – Я вот тут все не знаю, не уделите ли вы мне минутку своего драгоценного времени?

Я откинулся на спинку кресла и ощутил, как рот у меня растягивается в блаженной ухмылке.

– Ба, мисс Родригез, вы ли это? Та самая пронырливая журналисточка из «Волхва»? Из бестолковой газетенки, печатающий всякий вздор о ведьмах, вампирах и волосатых лесных людях?

– И еще об Элвисе, – дополнила она. – Как ты мог забыть Короля? И потом, я теперь член Гильдии. Моя колонка питается заслуживающими доверия материалами со всего света.

Я рассмеялся.

– Что у тебя сегодня?

Голос Сьюзен сделался ехиднее некуда.

– Ну, мой приятель кинул меня вчера вечером, а так…

Я слегка поморщился.

– Ну да, знаю. Извини. Понимаешь, Боб нашел для меня дело, не терпевшее отлагательств.

– Гхм, – произнесла она совершенно другим, профессионально-вежливым голосом. – Я звоню вам, мистер Дрезден, не затем, чтобы обсуждать мою ***личную*** жизнь. Это деловой звонок.

Я снова улыбнулся. Да, таких девушек, как Сьюзен, одна на миллион. Особенно по части общения со мной.

– О, прошу прощения, мисс Родригез. Умоляю вас, продолжайте.

– А… да. У меня сложилось впечатление, что по городу гуляют слухи о повышенной активности в городе потусторонних сил вчерашней ночью. Не могли бы вы поделиться с «Волхвом» некоторыми подробностями?

– Гм. Видите ли, с моей стороны это было бы не совсем профессионально. Я по возможности избегаю афишировать свои дела.

– Мистер Дрезден, – заявила она. – Мне бы не хотелось прибегать к исключительным мерам.

– Но почему же, мисс Родригез? – ухмыльнулся я. – Разве вы не исключительная девушка?

Я почти воочию увидел, как она выгнула бровь.

– Право же, мистер Дрезден, я не хочу угрожать вам. Но вы не можете не понимать, что, поскольку я хорошо знакома с одной юной дамой из вашего окружения, в моих силах значительно осложнить ваши с ней отношения.

– Я понял. Но в случае, если я поделюсь с вами рассказом…

– Мне нужно эксклюзивное интервью, мистер Дрезден.

– То есть, – уточнил я, – в случае эксклюзивного интервью вы сумеете обойтись без того, чтобы создавать для меня проблемы разного рода, так?

– Я даже замолвлю перед ней словечко, – радостно заверила меня Сьюзен, и голос ее снова понизился до томного шепота. – Как знать, может, вам и повезет.

Я обдумал это предложение. Призрак, которого мы с Май-

клом прищучили накануне, шатался по подземным хранилищам библиотечного корпуса Чикагского университета. Этакая здоровенная, зверского вида тварь. Я вполне мог обойтись без упоминания имен вовлеченных в эти события людей, и, хотя университет явно будет не в восторге от этого, он все же как-нибудь переживет упоминание в газете, которую и покупают-то разве что в очереди у кассы супермаркета, вместе с другими таблоидами. И потом, одна мысль о нежной коже Сьюзен, о ее темных волосах у меня под руками… Гр-рр.

– От такого предложения трудно отказаться, – признался я. – Ручка под рукой?

Ручка нашлась, и следующие десять минут я делился с ней подробностями. Она проглотила их, время от времени задавая мне каверзные, наводящие вопросы, и вытянула из меня всю историю с быстротой, которая показалась бы мне невероятной, не происходи все это со мной. Да, подумал я, репортер из нее отменный. Даже жаль, что время и талант она тратила на освещение сверхъестественного, во что большинство людей отказывается верить испокон веков.

– Большое спасибо, мистер Дрезден, – промурлыкала она, выцедив из меня последние капли информации. – Надеюсь, сегодня вечером у вас с этой юной леди все сложится. У вас. В девять.

– А юной леди не хотелось бы обсудить вероятные сценарии? – поинтересовался я.

Она томно усмехнулась.

– Но это же деловой звонок.

– Нет, Сьюзен, ты невозможна, – рассмеялся я. – Ты ведь никогда не сдаешься, правда?

– Ни за что, – подтвердила она.

– Ты бы злилась на меня, даже если бы я предупредил тебя?

– Гарри, – вздохнула она. – Ты уехал, не дождавшись меня и не оставив даже записки. От любого другого мужчины я бы такого не потерпела. Если бы ты не выложил мне сейчас всю эту историю с потрохами, я бы решила, что ты просто загулял с дружками.

– Ну да, с Майклом, – усмехнулся я. – Уж он-то как раз тусовщик – первый класс.

– Тебе придется как-нибудь рассказать о нем. Да, кстати, тебе удалось разобраться хоть немного в том, что творится с духами? Ты не пытался связать это с временем года?

Я вздохнул и зажмурился.

– Нет и да. Я до сих пор не имею представления о том, почему все призраки разом повзбесились – нам пока не удалось удержать ни одного достаточно долго, чтобы хотя бы рассмотреть как следует. Вот как раз сегодня у меня появилось одно новое средство, может, с ним и удастся. Но Боб совершенно уверен, с Хэллоуином это никак не связано. Я хочу сказать, в прошлом году у нас никаких призраков не было.

– Верно. У нас были оборотни.

– Вот именно, – сказал я. – Совсем другое дело. Я попросил Боба глаз не смыкать на случай новых проявлений потусторонней активности. Если что-то где-то и выскочит, мы об этом узнаем.

– Ладно, – сказала она, потом помолчала немного, явно колеблясь. – Гарри, я…

Я подождал продолжения, но она снова замолчала, поэтому мне пришлось спросить: «Что?»

– Я… э… я просто хотела убедиться, что с тобой все в порядке.

У меня сложилось впечатление, что она хотела сказать что-то еще, но я не стал на нее давить.

– Ну, устал, – сказал я. – Нажил пару синяков, поскользнувшись на эктоплазме и врезавшись в шкаф-картотеку. Но так все в порядке.

Она рассмеялась.

– Судя по описанию, вид что надо. Значит, до вечера?

– Жду с нетерпением.

Вместо прощания она издала короткий, довольный звук, прямо-таки сочившийся сексуальностью, и повесила трубку.

За повседневными делами день пролетел почти незаметно. Я разрушил чары, мешавшие отыскаться обручальному кольцу, и дал от ворот поворот клиенту, который хотел, чтобы я помог ему очаровать его горничную (в моем объявлении в «Желтых Страницах» черным по белому написано: «ника-

ких приворотных зелий», но люди почему-то всегда думают, что их случай особенный). Я сходил в банк, переговорил по телефону с одним моим знакомым частным детективом, а еще встретился с подростком-пироманом в попытке отучить его то и дело поджигать домашнюю кошку.

Я как раз запирал дверь офиса, собираясь уходить, когда услышал, как кто-то вышел из лифта и идет ко мне по коридору. Шаги были торопливые, тяжелые словно от башмаков на толстой подошве.

– Мистер Дрезден? – спросил молодой женский голос. – Гарри Дрезден – это вы?

– Да, – отозвался я, поворачивая ключ. – Но я уже ухожу. Мы могли бы договориться о встрече завтра.

Шаги стихли в нескольких футах от меня.

– Прошу вас, мистер Дрезден. Мне нужно с вами поговорить. Только вы в состоянии помочь мне.

Я вздохнул, не оборачиваясь. Она произнесла именно те слова, которые способны пробить защитную корку черствости, в которую я кутаюсь. И все же я мог еще уйти. Уйма людей считают, что магия способна выдернуть их из всех неприятностей, стоит им сообразить, что другого выхода нет.

– С удовольствием, мэм. Первым же делом завтра утром, – я выдернул ключ из скважины и повернулся уходить.

– Погодите, – сказала она. Я услышал, как она шагнула ближе ко мне, а потом она схватила меня за руку.

Ледяное покалывание охватило ее от запястья по локоть.

Я отреагировал мгновенно, не раздумывая: я инстинктивно выстроил щит, ограждая себя от постороннего вмешательства, вырвал руку из ее пальцев и отступил на несколько шагов.

Руку продолжало покалывать от соприкосновения с ее аурой. Она была довольно хрупкого сложения, в черном вязаном платье, черных же армейских бутсах, с волосами, окрашенными все в тот же глухой черный цвет. Черты ее лица показались мне мягкими, симпатичными, но кожа у глаз побелела как мел, а сами глаза ввалились и поблескивали с настороженностью трущобной кошки.

Я хрустнул пальцами и быстро отвел взгляд.

– Вы тоже занимаетесь магией, – негромко заметил я.

Она прикусила губу, отвернулась и кивнула.

– И мне нужна ваша помощь. Мне сказали, вы можете помочь.

– Я даю уроки людям, желающим избежать травм от неумения управлять своими способностями, – признал я. – Вам это нужно?

– Нет, мистер Дрезден, – ответила девушка. – Не совсем.

– Тогда почему я? Что вам нужно?

– Мне нужна ваша защита, – она подняла дрожащую руку и потеребила прядь темных волос. – И если я ее не получу, я не уверена, что доживу до утра.

Глава четвертая

Я отпер дверь офиса, пригласил ее войти и щелкнул выключателем. Лампочка перегорела с хлопком. Привычное дело. Я вздохнул и закрыл дверь за нами, оставив лишь полосы золотистого света, струившиеся сквозь щели жалюзи, сплетавшиеся в замысловатый узор с тенями на полу и стенах.

Я подвинул ей одно из кресел перед моим столом. С секунду она в замешательстве смотрела на меня, потом выдохнула: «О!» – и села. Я обошел стол, снял ветровку и сел.

– Ладно, – сказал я. – Если вы хотите моей защиты, мне сначала нужно от вас кое-что.

Она отбросила рукой с лица волосы цвета мокрого асфальта и бросила на меня холодно-оценивающий взгляд. Потом закинула ногу на ногу так, что разрез платья продемонстрировал белое бедро на половину длины. Легкое движение спиной – и ткань платья туго обтянула крепкую грудь, рельефно обрисовав аккуратные соски.

– Разумеется, мистер Дрезден. Уверена, мы найдем общий язык, – она бросила на меня еще один взгляд, на этот раз чувственный, зовущий.

Соски, твердеющие по приказу – что ж, круто. О, пожалуй, она была очень даже ничего. Любой подросток пустил бы слюни и пополз бы к ней, виляя хвостиком, но я видел

спектакли и почище. Я закатил глаза к потолку.

– Я имел в виду не это.

Она разом вышла из образа томной киски.

– Не… Разве не это? – она нахмурилась и снова просканировала меня взглядом. – Разве… Значит, вы?..

– Нет, – улыбнулся я. – Я не голубой. Но я не куплюсь на то, что вы продаете. Вы даже не сказали мне, как вас зовут, а уже готовы раздвинуть ноги? Нет уж, спасибо. Черт возьми, вы хоть про СПИД слышали? Или про герпес?

Лицо ее побелело, и она стиснула губы с такой силой, что они побелели тоже.

– Ладно, – вздохнула она. – Тогда что вы от меня хотите?

– Ответов, – сказал я, уставив в нее палец. – И не пытайтесь мне врать. Это вам не поможет – скорее, наоборот, – вообще-то, тут я изрядно согрешил против истины. То, что ты чародей, вовсе не превращает тебя в детектор лжи, а я вовсе не собирался встречаться с ней взглядом, чтобы заглянуть в душу. Не стоило того. Впрочем, одно из преимуществ моего ремесла – то, что люди все, что бы ты ни сделал, приписывают твоим безмерным и непостижимым силам. Ну, конечно, это действует только на тех, кто знает достаточно, чтобы верить в волшебников, но недостаточно, чтобы знать предел нашим возможностям. Остальные – те, кто считает магию просто этакой шуткой – просто смотрят на тебя как на очевидного клиента психушки.

Она нервно облизнула губы – вот уж чего не было в этом

жесте, так это сексуальности.

– Хорошо, – сказала она. – Что вы хотели узнать?

– Для начала хотя бы ваше имя.

Она чуть хрипло усмехнулась.

– И вы, чародей, полагаете, что я просто так назову его вам?

Тоже верно. Серьезные заклинатели вроде меня могут сделать чертовски многое, узнав чье-то имя из уст его обладателя.

– Что ж, ладно. Как мне тогда вас называть?

Она не сделала попытки одернуть платье. Очень даже ничего ножка, только лодыжку опоясывала полоска какой-то татуировки. Я постарался не обращать на нее особого внимания.

– Лидия, – сказала она. – Называйте меня Лидией.

– Очень хорошо, Лидия. Вы занимаетесь нашим ремеслом. Расскажите мне об этом.

– Это не имеет никакого отношения к тому, что мне от вас нужно, мистер Дрезден, – возразила она. Потом сглотнула, пытаясь унять злость. – Прошу вас. Мне нужна ваша помощь.

– Хорошо, хорошо, – вздохнул я. – Какая именно? Если ваши неприятности связаны с чьими-то преследованиями, я посоветовал бы вам обратиться в полицию. Я не телохранитель.

Она вздрогнула и зябко охватила себя руками.

– Нет, ничего такого. Я боюсь не за свое тело.

Я невольно нахмурился. Она зажмурилась и судорожно вздохнула.

– Мне нужен талисман, – сказала она. – Что-нибудь, что защитило бы меня от враждебного духа.

Эти ее слова заставили меня сесть и призадуматься. В дни, когда город буквально проваливался в пучину потустороннего хаоса, я без труда мог представить себе ситуацию, когда девушка, не лишенная магических способностей, могла бы столкнуться с неприятным феноменом. Призраков и духов тянет к магически одаренным как магнитом.

– Какого именно духа?

Взгляд ее заметался из стороны в сторону, избегая задерживаться на мне.

– Не могу сказать точно, мистер Дрезден. Он силен, и он рвется разделаться со мной. Мне… мне сказали, что вы могли бы сделать что-то, чтобы защитить меня.

Вообще-то это и правда так. На моем левом запястье красовался в тот момент талисман, изготовленный из савана, заговоренного серебра и ряда других, значительно менее доступных компонентов.

– Возможно, – кивнул я. – Это зависит от того, почему вы подвергли себя опасности, а также почему вы считаете, что нуждаетесь в защите.

– Я… я н-не могу вам этого сказать, – произнесла она, и лицо ее горько скривилось. По-настоящему горько, не на

зрителя – так, что оно сразу сделалось старше и некрасивее. Она съежилась и показалась совсем маленькой и хрупкой. – Пожалуйста, помогите мне.

Я вздохнул и в задумчивости провел пальцем по брови. Мои инстинкты настоятельно требовали от меня напоить ее горячим шоколадом, укутать ее теплым одеялом, заверить в том, что все будет хорошо и нацепить ей на руку свой талисман. Впрочем, я постарался их – то есть, инстинкты – обуздать. Тоже мне, Дон Кихот нашелся. Я так и не знал ровным счетом ничего о ее ситуации или от чего ее требовалось защитить – из того, что она мне открыла, вполне можно было предположить, что она пытается отделаться, скажем, от разгневанного ангела, преследующего ее за какую-нибудь особенную гнусность. Даже небесных духов вполне можно довести до белого каления.

– Послушайте, Лидия. Мне не хотелось бы оказаться втянутым во что-то, даже не зная, что происходит, – *что не мешает мне проделывать это с завидной регулярностью,* напомнил я себе мысленно. – До тех пор, пока вы не сможете рассказать мне хоть немного о той ситуации, в которую вы попали, убедить меня в том, что вам действительно необходима защита, и что вы ее заслуживаете, я не смогу ничем вам помочь.

Она склонила голову, и волосы ее окончательно закрыли от меня лицо. Примерно минуту она молчала, потом глубоко вздохнула.

– Вам известно, что такое Слезы Кассандры, мистер Дрезден?

– Состояние, сопутствующее прорицанию, – ответил я. – Указанная дама время от времени испытывала припадки, во время которых наблюдала будущее, но каждый раз излагала его так, что ей не верили. У детей врачи часто путают такие приступы с эпилепсией и прописывают от них различные лекарства. Как правило, эти предсказания весьма точны, но им никто не верит. Некоторые считают это особым даром.

– Только не я, – прошептала она. – Вы не представляете, как это ужасно – видеть, как что-то должно случиться, пытаться предотвратить это, но натыкаться на полное неверие…

Некоторое время я молча изучал ее лицо. Часы на стене громко отсчитывали секунды.

– Хорошо, – сказал я, наконец. – Вы говорите, что обладаете этим даром. Насколько я понимаю, вы хотите убедить меня в том, что одно из ваших видений предостерегло вас о злом духе, который вас преследует, верно?

– Не одно, – сказала она. – Три. ***Три***, мистер Дрезден. Тогда, когда пытались убить президента, я видела одно. По два – насчет той катастрофы «шаттла» и землетрясения в Лаосе. Трех у меня раньше никогда не было. И ни разу – с такой ясностью…

Я зажмурился, обдумывая все это. И снова инстинкты советовали мне помочь девушке, замочить злого духа или ко-

го там, и хэппи-энд на закате. Если она и правда поражена Слезами Кассандры, мои действия могли достичь большего, нежели просто спасение ее жизни. Моя вера могла бы изменить ее к лучшему.

С другой стороны, меня не раз уже обводили вокруг пальца. Девушка, несомненно, отменная актриса – судя хотя бы по тому, с какой легкостью скользнула она в роль сладострастной обольстительницы, когда ей показалось, что я требую с нее платы натурой. Уже сама скорость, с какой она пришла к такому выводу, исходя из моего совершенно невинного замечания, кое-что о ней говорила. Эту девицу никак нельзя было отнести к невинным дитятям. Если только я не заблуждался в корне, ей и раньше доводилось расплачиваться сексом за товары и услуги – и это при ее ужасно юном возрасте.

Да и сами по себе Слезы Кассандры могли служить великолепным прикрытием, которым в кругах практикующих магию пользовались достаточно часто. Вся эта история вроде как не требовала от девушки никаких доказательств, никакого спектакля со стороны того, кто этим прикрытием пользуется. Все, что от нее требовалось – это потратить толику своих способностей на создание подобающей ауры, потом сочинить любую угодную ей историю насчет предполагаемых способностей к предвидению, изобразить на лице вид потерявшейся малютки и направиться прямиком к местному болвану, Гарри Блекстоуну Копперфилду Дрездену.

Я открыл глаза и увидел, что она на меня смотрит.

– Конечно, – вздохнула она, – я могу и лгать. Слезы Кассандры невозможно определить никаким анализом. Я могла бы использовать их в качестве убедительного объяснения того, почему вы должны оказать помощь попавшей в беду девушке.

– Это довольно точно совпадает с тем, о чем я думаю, Лидия. Вы вполне можете оказаться просто мелкой ведьмой, по ошибке потревожившей не того демона и теперь мечущейся в поисках выхода.

Она развела руками.

– Вам придется положиться на мое слово, но это не так. Я знаю, что что-то надвигается. Я не знаю, что именно, почему и как. Я знаю только то, что я видела.

– Что именно?

– Огонь, – прошептала она. – Ветер. Я видела темные существа и темную войну. Я видела, как приближается ко мне моя смерть – смерть из потустороннего мира. И в центре всего этого я видела вас. Вы начало и конец всего этого. Вы тот, кто может направить все по другому пути.

– Так вот что вы видели? Всего-то?

Она отвернулась.

– Я видела то, что видела.

Стандартная процедура. Покапать маслом на самомнение жертвы, дождаться, пока та клюнет, подсечь и тянуть ее со всеми потрохами. Ага, подумал я, кто-то хочет что-то у меня

вытащить. Что ж, это свидетельство роста моей репутации.

Впрочем, и держаться грубо смысла тоже не было.

– Послушайте, Лидия. На мой взгляд, вы немного переигрываете. Почему бы нам с вами не встретиться через пару дней – тогда и решим, нужна ли вам еще моя помощь.

Она не ответила. Плечи ее бессильно поникли, а лицо разом лишилось эмоций, как это бывает при поражении. Она устало зажмурилась, и во мне шевельнулось сомнение. У меня начало складываться назойливое впечатление того, что она не играет.

– Ладно, – произнесла она совсем тихо. – Извините, что задержала вас, – она встала и повернулась к выходу.

Тут инстинкты мои разом взяли верх над всеми рассуждениями. Я вылетел из кресла и ринулся ей наперерез. Мы оказались у двери одновременно.

– Подождите, – сказал я и развязал талисман, ощутив беззвучный хлопок энергии. Я снял его с запястья, взял ее за левую руку и повернул ладонью вверх, чтобы завязать. На руке виднелось несколько светлых продольных шрамов, тянувшихся вдоль вен. Такие бывают у тех, кто со всей серьезностью пытался покончить с собой. Шрамы были старые, едва заметные. Должно быть, она заполучила их, когда ей было… сколько? Десять лет? Или еще меньше?

Я пожал плечами и завязал узкую полоску замусоленной ткани и сплетенную с ней серебряную цепочку у нее на запястье, усилием воли послав в талисман достаточно энергии,

чтобы замкнуть круг. Сделав это, я легонько дотронулся до ее локтя. Я все еще ощущал энергию талисмана: этакое покалывающее кожу невидимое облачко, окутавшее руку на расстоянии в полдюйма от кожи.

– Магия веры справляется с духами лучше всего, – заметил я вполголоса. – Если вы в расстроенных чувствах, ступайте в церковь. Духи обретают силу после захода солнца и до его восхода. Поезжайте в церковь Святой Марии всех Ангелов. Она находится на углу Блумингдейл и Вуд, у Уиккер-парка. Такая большая, ее невозможно не заметить. Обойдите ее кругом и позвоните в служебную дверь. Поговорите с отцом Фортхиллом. Скажите ему: друг Майкла сказал, что вам необходимо некоторое время побыть в безопасном месте.

Она смотрела на меня, открыв рот. Глаза ее набухли слезами.

– Вы мне поверили, – прошептала она. – Вы мне поверили.

Я неловко пожал плечами.

– Возможно. А может, и нет. Но последние несколько недель дела и правда дрянь, и я не хочу, чтобы вы лежали на моей совести. И поспешите. Солнце скоро сядет, – я сунул ей в руку несколько мятых купюр. – Возьмите такси. Святая Мария всех Ангелов. Отец Фортхилл. Вас прислал друг Майкла.

– Спасибо, – пробормотала она. – О Боже. Спасибо, мистер Дрезден, – она сжала мою ладонь обеими руками и

чмокнула в костяшки пальцев, намочив их слезами. Пальцы ее были слишком холодные, а губы – слишком горячие. А потом она исчезла за дверью.

Я закрыл за ней дверь и тряхнул головой.

– Нет, Гарри, ты решительно идиот. У тебя был один мало-мальски пристойный талисман, способный защитить тебя от нечисти, так ты и его отдал. Возможно, она – подсадная утка. Возможно, ее послали к тебе специально за тем, чтобы лишить тебя талисмана, чтобы ничего уже не мешало им слопать тебя с потрохами в следующий же раз, как ты попытаешься испортить им обедню, – я покосился на свою руку, все еще хранившую тепло Лидиного поцелуя, и на которой все еще блестели ее слезы. Потом вздохнул, потащился к шкафу, в котором у меня хранится с полсотни запасных лампочек и заменил ту, что перегорела.

Зазвонил телефон. Я плюхнулся в кресло и устало буркнул в трубку: «Дрезден».

В ответ я не услышал ничего, кроме шороха далеких статических разрядов.

– Дрезден слушает, – повторил я.

Трубка продолжала молчать, но что-то заставило мои волосы встать дыбом. Было в этом молчании нечто, плохо поддающееся описанию. Словно бы кто-то ждал. Издевался надо мной. Треск сделался громче, и мне показалось, я слышу сквозь него далекие голоса – негромкие, жесткие. Я покосился на дверь, вслед ушедшей Лидии.

– Кто это?

– *Скоро,* – прошелестел голос. – *Скоро, Дрезден, мы увидимся снова.*

– Кто это? – повторил я, ощущая себя дурак-дураком.

В трубке послышались гудки.

Некоторое время я, вместо того, чтобы повесить трубку, тупо смотрел на нее. Потом почесал затылок. Холодок пробежал по моей спине и угнездился где-то чуть ниже желудка.

– Что ж, ладно, – произнес я вслух, чуть громче, чем этого требовал размер моего офиса. – Слава Богу, мне не пригрозили ничем другим.

Допотопный радиоприемник на полке рядом с кофеваркой вдруг сам собой ожил и захрипел. Я подпрыгнул едва не до потолка и в ярости, стиснув кулаки, повернулся к нему.

– Гарри? – произнес голос в динамике. – Эй, Гарри, эта штука работает?

Я попытался унять сердцебиение и сосредоточил волю на приемнике, создавая двустороннюю связь.

– Да, Боб. Это я.

– Благодарение звездам, – вздохнул Боб. – Ты говорил, ты хочешь знать немедленно, если я нащупаю еще какую потустороннюю гадость.

– Ну да, да, валяй же.

Радио снова захрипело и затрещало – явно от потусторонних, а не физических помех. Боюсь, AM/FM на нем уже не ловился. Голос Боба доносился ко мне искаженным, но разо-

брать его я пока мог.

– На меня выходил мой информатор. Больница Кук-Каунти, сегодня вечером. Кто-то растревожил Агату Хэгглторн. Дрянь дело, Гарри. Она старая и очень вредная штучка.

Боб снабдил меня кратким описанием трагической жизни и смерти Агаты Хэгглторн, а также назвал наиболее вероятную ее цель в больнице. Я покосился на свое левое запястье и ощутил себя голым.

– Хорошо, – сказал я. – Я займусь этим. Спасибо, Боб.

Радио хрюкнуло и замолчало, а я уже несся к двери. До захода солнца оставалось меньше двадцати минут, самый час пик, а если я не окажусь в округе Кук до наступления темноты, можно было ожидать самого плохого.

Я вылетел из дверей здания – мешок антипризрачного порошка в кармане тяжело хлопал меня по бедру – и буквально врезался в Майкла. Высокий, плечистый, он нес на плече большую спортивную сумку, в которой, как мне было известно, не лежало ничего кроме *«Амораккиуса»* и его белого плаща.

– Майкл! – заорал я. – Как это вы здесь очутились?

Лицо его расплылось в широкой улыбке.

– Когда в том возникает нужда, Он делает так, чтобы я оказался в нужном месте.

– Уау, – выдохнул я. – Вы шутите.

– Нет, – ответил он совершенно серьезно. Потом помолчал пару секунд. – Ну, вообще-то, вы так или иначе имели

со мной дело каждый вечер на протяжении последних двух недель. Я и подумал, уж не сберечь ли Ему сил на устройство подобных совпадений, вот и приехал сюда сразу, как освободился от работы, – он повернулся, следуя за мной, и мы забрались в «Голубого Жучка» – он через белую дверь, я – через зеленую. Выглядывая в ветровое стекло поверх красной крышки багажника, я вывел свой «Фольксваген» со стоянки, и мы влились в поток.

Вот так вот все и привело нас к битве в палате новорожденных больницы Кук-Каунти.

Надеюсь, вы составили себе представление о том, что я называю нормальным рабочим днем до того, как все летит к чертям собачьим. Так вот, когда я вырулил «Жучка» на магистраль и до отказа выжал педаль газа, у меня снова возникло ощущение, что жизнь моя становится слишком уж бурной.

Глава пятая

Мы с Майклом продрались сквозь щель, которую я разорвал в отделяющей Небывальщину от реальности перемычке. Ощущение было – словно выходишь из сауны в офис с кондиционированным воздухом, только перемену эту я чувствовал не кожей. Я ощущал ее мыслями, и эмоциями, и той примитивной, древней частью меня, что хоронилась в глубине мозга. Я стоял в мире, отличавшемся от того, в котором жили мы.

Маленький мешочек – скорее, даже кисет – с антипризрачным порошком в кармане моей ветровки разом сделался ужасно тяжелым, едва не опрокинув меня набок. Я чертыхнулся. Суть антипризрачного порошка заключается в том, что в нем присутствует немного сверхъестественного, что он тяжел и инертен, поэтому при соприкосновении с потусторонней тканью обездвиживает ее. Даже находясь в туго завязанном мешке, он резко нарушал физические законы Небывальщины. Стоило бы мне развязать кисет, и порошок прожег бы отверстие в полу. Поневоле приходилось соблюдать осторожность. Крякнув от натуги, я достал кисет из кармана. По ощущениям он весил фунтов сорок, не меньше.

Майкл нахмурился.

– Знаете, я как-то не успел спросить: из ***чего*** сделан этот порошок?

– Обедненный уран, – ответил я. – Во всяком случае, это основной ингредиент. Но, конечно, мне пришлось много чего к нему добавить. Заговоренное железо, базилик, помет…

– Хорошо, хорошо, – поспешно перебил он. – Мне совершенно не обязательно знать подробности, – он отвернулся от меня, крепко сжимая свой тяжелый меч. Я поудобнее перехватил свои жезл с посохом и стал рядом с ним, оглядываясь.

Эта часть Небывальщины напоминала Чикаго, каким он был в конце девятнадцатого века. Нет, не напоминала, а воспроизводила в точности. Собственно, она отображала отрывочные воспоминания последних лет жизни Агаты Хэгглторн. На части столбов светились лампочки Эдисона, в других фонарях трепетали язычки горящего газа. И те, и другие не освещали почти ничего кроме самих столбов и их ближайшего окружения. Дома громоздились под странными углами друг к другу; отдельные части их просто-напросто отсутствовали. Все – улицы, тротуары, здания – было выполнено из дерева.

– Блин-тарарам, – буркнул я. – Стоит ли удивляться тому, что Чикаго выгорал дотла. Это не город, а настоящий спичечный коробок!

В тенях копошились крысы, но сама улица оставалась пустой. Щель, что вела обратно в наш мир, колыхалась в воздухе рваным пятном, и из нее лился на улицы старого Чикаго стерильный неоновый свет. Воздух вокруг нас пульсировал и искрился по меньшей мере в дюжине мест – это проецирова-

лись в Небывальщину жизненные силы младенцев из больничной палаты.

– Где она? – негромко спросил Майкл. – Где призрак?

Я медленно повернулся на месте, вглядываясь в тени, и покачал головой.

– Не знаю. Но нам лучше найти ее, и побыстрее. Все, что от нас требуется – это найти одного призрака… если получится.

– И попытаться найти причину всех этих возмущений, – напомнил Майкл.

– Совершенно верно. Не знаю, как вы, а мне начинает надоедать каждую ночь гоняться по городу из конца в конец.

– Вам удалось ее рассмотреть?

– Не слишком, – поморщился я. На ней могли лежать какие-то заклятия или что-нибудь еще в этом роде, которые подсказали бы мне, что же, в конце концов, происходит. – Для этого мне необходимо хотя бы пару минут осмотреть ее, не подвергаясь при этом смертельной опасности.

– Да, конечно, если только она не убьет нас прежде, – согласился Майкл. – Однако время идет, а я ее нигде не вижу. Что нам делать?

– Мне неприятно это говорить, – вздохнул я, – но, боюсь, нам…

Я хотел было сказать: «…лучше разделиться», – но договорить мне не дали. Деревянная мостовая у нас под ногами взорвалась фонтаном острых щепок. Прикрывая глаза

рукой, я покатился в одну сторону, а Майкл – в другую.

– Мои ангелочки! Мои, мои, МОИ! – взвизгнул голос, от которого полы моей ветровки крыльями взметнулись вверх.

Я отнял руку от лица и увидел перед собой призрака – на этот раз вполне реального, во плоти, тянувшего к нам из-под мостовой свою единственную руку. Лицо Агаты было узким, костлявым, а волосы сбились бесформенной гривой, что плохо сочеталось с ее накрахмаленной, без пятнышка юбкой. Рука отсутствовала по плечо, и одежда в этом месте была перепачкана темной жидкостью.

Майкл с болезненным возгласом поднялся на ноги и замахнулся на нее *«Амораккиусом»*; по щеке его сочилась из пореза кровь. Дух отмахнулся от него единственной оставшейся рукой как от докучливого насекомого, и Майкл тряпичной куклой отлетел в сторону и покатился по мостовой.

А потом, рыча и брызгая слюной, призрак обратил свой совершенно уже безумный взгляд на меня.

Я поднялся на ноги и выставил перед собой посох – сомнительную, скажем честно, защиту от призрака на его территории.

– Насколько я понимаю, Агата, время рассудительных диалогов прошло, не так ли?

– Мои малютки! – взвизгнул призрак. – Мои! Мои! Мои!!!

– Ну да, так я и думал, – вздохнул я, собрал волю и направил ее в посох. Светлая древесина засветилась янтарным светом, разлившимся передо мной этаким полукуполом.

Призрак взвизгнул еще громче и ринулся на меня. Я расставил ноги устойчивее и во всю силу легких выкрикнул: *«Reflettum!»*

Дух врезался в щит моего защитного поля с мощью накачанного стероидами самца носорога. Прежде мне доводилось останавливать таким щитом пули и кое-что похуже, но это в моем мире. Здесь, в Небывальщине, призрак Агаты пробил мой щит, который буквально взорвался от перегрузки, снова швырнув меня на землю.

Упершись обугленным посохом в землю, я со стоном поднялся. Окровавленные пальцы свело от усилия.

Агата стояла в нескольких шагах от меня, дрожа от ярости и, я надеялся, от контузии. На теле ее плясали, угасая один за другим, язычки пламени от моего лопнувшего щита. Я поднял свой жезл, но пальцы плохо слушались меня, и он упал на землю. Я нагнулся подобрать его, едва не упал и снова выпрямился; в глазах клубился красный туман и плавали яркие разноцветные круги.

Майкл обогнул оглушенного призрака и встал рядом со мной. На лице его обозначилось скорее беспокойство, чем страх.

– Спокойнее, Гарри, спокойнее. Господи Боже, приятель, с вами все в порядке?

– Ничего, – прохрипел я. – У меня для вас две новости, хорошая и плохая.

Рыцарь снова изготовил меч к бою.

– Лично мне всегда приятнее слышать хорошие.

– Не думаю, чтобы ее больше интересовали эти младенцы.

Лицо Майкла на мгновение осветилось улыбкой.

– Эта новость и впрямь хорошая.

Я вытер набегавший на глаза пот. Рука окрасилась красным. Должно быть, порезался в одно из падений.

– А плохая новость – то, что сейчас она придет в себя и разорвет нас на клочки, не пройдет и пары секунд.

– Не хочу показаться пессимистом, но боюсь, у меня есть новости и похуже, – заметил Майкл. – Прислушайтесь-ка.

Я покосился на него и склонил голову набок, прислушиваясь. Я услышал в полуночном воздухе Небывальщины далекий, но быстро приближающийся, музыкальный лай.

– Блин-тарарам, – выдохнул я. – Адские гончие…

– Гарри, – настойчиво перебил меня Майкл. – Вы же знаете, как я не люблю, когда вы сквернословите.

– Вы правы. Извините. Блин-тарарам, – повторил я. – Адские гончие. Моя крестная вышла на охоту. Как, черт подери, она ухитрилась найти нас так чертовски быстро?

Майкл поморщился.

– Должно быть, была где-то недалеко. Как быстро она окажется здесь?

– Скоро. Мой щит наделал кучу шума, лопаясь. Она наверняка услышала.

– Если вы хотите вернуться, Гарри, – сказал Майкл, – еще не поздно. Я сдержу призрака, пока вы не проберетесь

в щель.

Признаюсь, соблазн был велик. Мало что способно напугать меня до такой степени, как Небывальщина и моя крестная, взятые вместе. Но помимо страха я испытывал еще злость. Терпеть не могу, когда меня отодвигают в сторону. И потом, Майкл мой друг, а я не люблю бросать друзей, чтобы они разгребали за мной мои проблемы.

– Нет, – буркнул я. – Только давайте, постараемся побыстрее.

Майкл улыбнулся мне и шагнул вперед – как раз когда призрак Агаты погасил последние сполохи моего магического щита, обжигавшие его плоть. Майкл замахнулся на призрака *«Амораккиусом»*, но Агата с невероятной ловкостью увернулась от всех его ударов. Я поднял жезл и сосредоточился. Собачий лай раздавался все ближе, а с ним и стук конских копыт, заставлявший мое сердце тревожно сжиматься. Я методично заставил себя забыть про все, кроме призрака, Майкла и текущей в мой жезл энергии.

Должно быть, призрак ощутил, что мы готовимся к нападению, поскольку повернулся и пулей бросился на меня. Рот его широко открылся в крике, и я успел увидеть неровный ряд острых зубов и пылающие пустым, белым огнем глаза.

– *Fuego!*– выкрикнул я, и в то же мгновение призрак врезался в меня. Струя белого огня вырвалась из моего жезла и прошлась по деревянным фасадам, которые вспыхнули с такой готовностью, словно их специально вымачивали в бен-

зине. Я упал и покатился по деревянной мостовой; дух тянулся зубами к моему горлу. Я сунул конец жезла Агате в пасть и приготовился выстрелить еще раз, но она по-собачьи мотнула головой, вырвав его у меня из рук, и он отлетел в сторону. Я уперся в нее посохом – безрезультатно. Она снова рвалась к моему горлу.

– Майкл! – завопил я, сунув ей в рот локоть. Призрак стиснул зубы, не прекращая царапать меня ногтями. Я выронил кисет с антипризрачным порошком и свободной рукой пытался оттолкнуть ее, но все, что мне удалось – это порвать ее платье.

Она дотянулась-таки рукой до моего горла, лишив меня возможности дышать. Я бился и извивался, но рычащий призрак был сильнее и ловчее меня. В глазах моих поплыли звезды.

Майкл с криком обрушил на нее удар *«Амораккиуса»*. Тяжелый клинок с деревянным стуком врезался ей в спину, заставив ее взвизгнуть и выгнуться дугой. Это был смертельный удар. Белый огонь клинка коснулся призрачной плоти и воспламенил ее, разбежавшись в стороны от раны. Визжа от боли, она дернулась, и движение это выбило меч из рук Майкла. Полыхающий белым пламенем призрак Агаты Хэггторн повернулся и приготовился броситься на Майкла.

Я с трудом сел, подобрал мешок антипризрачного порошка и, крякнув от натуги, метнул ей в затылок. Удар вышел что надо: заговоренная мной сверхтяжелая смесь врезалась в

как кувалда в тонкий фарфор. На мгновение призрак застыл, широко разинув хищно оскаленный рот, потом медленно завалился набок.

Я перевел взгляд на Майкла, который стоял, пытаясь отдышаться.

– Гарри, – прохрипел он. – Вы видели?

Я ощупал сведенное болью горло и огляделся по сторонам. Лая и стука копыт не было слышно.

– Видел? – тупо переспросил я. – Чего?

– Смотрите же, – он махнул рукой в сторону почерневшего трупа.

Я посмотрел. Борясь с призраком Агаты, я порвал ее белую сорочку, да и платье, пока она каталась по тротуарам и душила всяких там чародеев, изрядно порвалось. Я подполз к трупу поближе. Он горел – не полыхал ярким пламенем, но белый огонь *«Амораккиуса»* медленно, но верно пожирал его. Впрочем, того, о чем говорил Майкл, огонь не трогал.

Проволока. Несколько витков колючей проволоки обвивали тело призрака под рваной одеждой. Шипы беспощадно впивались в призрачную плоть, так что тело было покрыто отстоявшими друг от друга на пару дюймов маленькими, кровоточащими ранками. Я стиснул зубы и рывками сдернул с призрака остатки дымящейся одежды. Проволока начиналась у самого горла, обвивала туловище и спускалась до самой лодыжки, где другой конец ее просто скрывался в плоти.

– Силы небесные, – пробормотал я. – Еще бы ей не сбрен-

дить.

– Эта проволока, – спросил Майкл. – Она причиняла призраку боль?

Я кивнул.

– Похоже на то. Еще какую.

– Почему мы не заметили этого там, в больнице?

Я покачал головой.

– Чем бы это ни было… я не думаю, чтобы его можно было увидеть в материальном мире. Сомневаюсь, чтобы мы вообще заметили это, не попади мы сюда.

– Господь смилостивился над нами, – вздохнул Майкл.

Я осмотрел свои травмы, потом перевел взгляд на Майкла, тоже щедро украшенного синяками и ссадинами.

– Угу, похоже на то. Послушайте, Майкл, такие штуки не случаются сами собой. Кто-то ведь проделал это с призраком.

– Из чего следует, – продолжал Майкл, – что кто-то намеренно сделал так, чтобы призрак погубил этих малышей, – лицо его тревожно нахмурилось.

– Ну, трудно сказать, ставил этот кто-то своей целью именно это, но уж во всяком случае, это свидетельствует о том, что за всей этой вспышкой потусторонней активности стоит кто-то конкретный, а не просто природные условия. Кто-то целенаправленно проделывает это с местными призраками, – я встал и отряхнулся. Призрак продолжал гореть, равно как и дома вокруг нас, только те горели ярче. Огонь охва-

тил почти все вертикальные поверхности, и начал перекидываться на тротуары и мостовые. Воздух заволокло дымом: воспоминания призрака сгорали вместе с ним.

– Ф-фух, – только и выдохнул я. Иногда и я могу быть сдержанным на реплики.

Майкл ухватил меч за рукоять и, покачав головой, выдернул его из огня.

– Город горит.

– Спасибо. Я тоже заметил.

Он улыбнулся.

– Этот огонь может навредить нам?

– Очень даже, – подтвердил я. – Пора делать ноги.

Мы повернулись и как могли быстро затрусили к щели между мирами. Едва пройдя несколько шагов, Майкл плечом выпихнул меня из-под рушившегося дымохода, и нам пришлось делать крюк, огибая груду битого кирпича и пылающих головешек.

– Стойте, – сказал я вдруг. – Погодите. Слышите?

Майкл продолжал нетерпеливо подталкивать меня к щели.

– Что? Я не слышу ничего.

– Угу, – закашлялся я. – Собачий лай стих.

Высокая, стройная, неземной красоты женщина выступила из дыма. Вьющиеся алые волосы каскадами ниспадали ниже бедер, обрамляя гладкую, без морщинки кожу, высокие скулы и полные, чувственные губы. Возраст по ее лицу опре-

делить было невозможно, и зрачки ее золотых глаз имели не круглую, но веретенообразную форму как у кошки. Длинное платье переливалось сочными оттенками зеленого.

– Привет, сын мой, – мурлыкнула Леа, совершенно не обращая внимания ни на дым, ни на бушевавший вокруг огонь. Три огромных пса – жуткие подобия мастиффов, сотканных из теней и золы – кружили у ее ног, глядя на нас бесстрастными черными глазами. Они стояли как раз между нами и щелью, ведущей домой.

Я судорожно сглотнул и с трудом подавил приступ всепоглощающей детской паники, которая зародилась в желудке и угрожала выплеснуться из горла. Я сделал шаг вперед, оказавшись между феей и Майклом.

– Привет, крестная, – хрипло выдавил я из себя.

Глава шестая

Моя крестная оглянулась на бушевавшее вокруг пекло и улыбнулась.

– Все это напоминает мне, сколько времени прошло. А тебе, милый? – она опустила руку и потрепала одну из своих гончих по холке.

– Как это вы так быстро нашли меня, а, крестная?

Она ласково улыбнулась адской псине.

– Гммм… У меня тоже есть свои маленькие секреты, милый. Я всего лишь хотела поздороваться со своим непутевым крестником.

– Что ж, хорошо. Здрасте, очень рад повидаться и надеюсь повторить это как-нибудь еще в будущем, – выпалил я, глотнул дыма и закашлялся. – Мы тут, типа, спешим, так что…

Леа рассмеялась. Звук этот напоминал звон чуть надтреснутых колоколов.

– Вечно вы, смертные, спешите. Гарри, Гарри, мы ведь сто лет как не виделись, – она шагнула ближе ко мне; тело ее перемещалось с чувственной грацией, которая при других обстоятельствах наверняка заворожила бы меня. Гончие за ее спиной бесшумно рассыпались веером. – Нам надо побыть вместе.

Майкл снова поднял меч.

– Мадам, – негромко произнес он. – Будьте добры, отой-

дите с дороги.

– А вот ***это*** мне не нравится, – со внезапной яростью прошипела она, и полные губы ее раздвинулись, обнажая волчьи клыки. Три гончих-тени испустили гортанный, угрожающий рык. Взгляд ее золотых глаз скользнул по Майклу и снова вернулся ко мне. – Он мой, сэр Рыцарь – по праву крови, по Закону и по его собственному слову, которое он нарушил. У нас с ним свои дела. Ты не властен над этим.

– Гарри? – Майкл на мгновение оглянулся на меня. – То, что она говорит – правда?

Я облизнул пересохшие губы и перехватил посох.

– Я был тогда сильно моложе. И гораздо глупее.

– Гарри… Если ты заключил с ней уговор по собственной воле, она права – я мало чем могу помешать ей.

С грохотом обрушилось еще одно здание. Кольцо пламени сжималось вокруг нас, и припекало все сильнее. Еще как сильнее. Щель колыхнулась и уменьшилась в размерах. Времени у нас оставалось совсем немного.

– Идем, Гарри, – мурлыкнула Леа голосом, который снова сделался томным и манящим. – Пусть славный Рыцарь Белого Бога ступает своей дорогой. А я отведу тебя к водам, которые исцелят твои раны и облегчат страдания.

Это казалось неплохой мыслью. Очень, очень неплохой. И магия ее подталкивала меня. Я ощутил, как ноги мои сами собой делают шаг в ее сторону.

– Дрезден! – резко произнес Майкл. – Боже праведный,

дружище! Что вы делаете?

– Возвращайтесь домой, Майкл, – произнес я заплетающимся как у пьяного языком. Рот Леа – мягкий, прелестный – скривился в торжествующей улыбке. Я даже не пытался стряхнуть с себя ее чары. Я все равно не смог бы противиться ей. Леа знала мои координаты много лет – подозреваю, с самого моего рождения. Никакого моего заклинания не хватило бы, чтобы овладеть собой дольше, чем на несколько секунд. По мере приближения к ней воздух становился прохладнее, а запах ее все сильнее бил в мои ноздри: запах ее тела, ее волос, полевых цветов, пряной сырой земли… – До закрытия… щели осталось… совсем немного… Уходите.

– Гарри! – крикнул Майкл.

Леа положила свою тонкую, с длинными пальцами руку мне на щеку. По всему моему телу пробежала волна щекотного наслаждения. Тело мое полностью покорилось ей, и мне приходилось гнать прочь мысли о ее красоте, чтобы думать не только о ней.

– Да, радость моя, – прошептала Леа, и золотые глаза ее вспыхнули торжеством. – Милый, милый, лапочка. А теперь положи свои жезл и посох.

Я тупо смотрел, как пальцы мои сами собой разжимаются, роняя оба этих предмета. Огонь подступил еще ближе, но я его не ощущал. Щель продолжала съеживаться – собственно, она почти совсем уже исчезла. Я прищурился, собирая остатки воли.

– Ну что, завершим нашу с тобой сделку, а, милое смертное дитя? – промурлыкала Леа, скользнув руками по моей груди и положив их мне на плечи.

– Я пойду с вами… – ответил я, стараясь говорить медленно и внятно. Взгляд ее вспыхнул еще ярче; она откинула голову назад и рассмеялась, открыв взгляду изрядную часть восхитительных шеи и бюста.

– …когда Ад замерзнет, – добавил я и в последний раз за этот вечер встряхнул своим кисетом антипризрачного порошка. Щедро, не скупясь, посыпал я им вышеозначенный бюст. Мне не доводилось пока слышать сказок насчет фей и обедненного урана, зато насчет фей и заговоренного железа – сколько угодно. Феи его не любят, а процент железа в смеси был достаточно высок.

Безупречно гладкая кожа мгновенно покрылась алыми шрамами; кожа сморщивалась и трескалась на глазах. Торжествующий смех Леа сменился полным боли воплем, и она отпустила меня. В панике рвала она свое шелковое платье, открывая взгляду все больше восхитительной плоти, разъедаемой железом.

– Майкл! – крикнул я. – Ну! – слабеющими руками я оттолкнул свою крестную, подобрал жезл с посохом и ринулся к щели. Я услышал рычание, и секундой спустя что-то вцепилось мне в ботинок, опрокинув на землю. Я замахнулся на гончую посохом и угодил им ей прямо в глаз. Она злобно взвыла, и двое ее приятелей немедленно бросились ей на

помощь.

Майкл заступил им дорогу и взмахнул мечом. Настоящая сталь врезалась в призрачную тварь, и из раны вырвались кровь вперемежку с белым огнем. Вторая адская псина прыгнула на Майкла и впилась зубами ему в бедро.

Я с размаху треснул эту тварюгу посохом по черепу, отшвырнув ее от Майкла, и потащил друга к сокращающейся на глазах полоске щели. Тем временем из дымящихся руин выныривали все новые адские гончие.

– Быстрее! – прохрипел я. – Время все вышло!

– Обманщик! – бросила мне вслед моя крестная. Почерневшая, опаленная, она поднялась с земли; от шелкового платья остались горелые ошметки, а разом вытянувшееся тело и члены ничем не напоминали уже человека. Она сжала кулаки, и огонь полыхавших вокруг зданий, казалось, разом опал и сжался, превратившись в два светящихся шара изумрудного и фиолетового цветов. – Подлый, распущенный мальчишка! Ты мой – твоя мать сама завещала тебя мне! И ты тоже!

– А вот не надо уговариваться с несовершеннолетними! – крикнул я, почти не оглядываясь, и толкнул Майкла в щель. Он провалился в нее и исчез, вернувшись в реальный мир.

– Если ты не отдашь мне свою жизнь, гадкий змееныш, я потребую твоей ***крови***! – Леа сделала два больших прыжка в мою сторону и выбросила руки перед собой. Сгусток сплетенных изумрудных и фиолетовых языков энергии метнулся

мне прямо в лицо.

Я попятился спиной к щели, молясь, чтобы она оставалась еще открытой настолько, чтобы я смог пролезть в нее. Я успел еще выставить перед собой посох, нацелив его в мою крестную, и последними остатками сил выстроил хоть кое-какой щит. Магический огонь ударил в него и как щепку отшвырнул меня спиной вперед прямо в щель. Последнее, что я успел ощутить перед тем, как вывалиться в свой мир – это как вспыхнул у меня в руке посох.

Я приземлился на пол палаты новорожденных больницы Кук-Каунти. За моей черной ветровкой тянулся шлейф дыма, почти мгновенно съежившийся и превратившийся в тонкую пленку эктоплазмы. Посох продолжал полыхать жутким зеленым и фиолетовым огнем. Младенцы в стеклянных колыбельках голосили кто во что горазд. Из соседней комнаты доносились встревоженные голоса.

А потом щель закрылась окончательно, и мы остались в реальном мире, в окружении горластых младенцев. Люминесцентные плафоны разом вспыхнули как положено, и из помещения дежурных сестер доносились все новые голоса, полные беспокойства и замешательства. Я сбил огонь с посоха и остался сидеть, задыхаясь. Болело у меня, казалось, все и разом. Никакое вещество из Небывальщины не может вернуться в реальный мир – но заработанные там травмы самые что есть взаправдашние.

Майкл встал и огляделся по сторонам, проверяя, все ли

младенцы целы и невредимы. Удостоверившись в этом, он сел рядом со мной, вытер со лба липкую слизь эктоплазмы и попытался зажать полой плаща рваную рану на ноге в том месте, куда впилась своими зубищами адская гончая. Потом, нахмурившись, строго посмотрел на меня.

– Что-то не так? – спросил я.

– Ваша крестная. Вы сбежали от нее, – заявил он.

Я устало усмехнулся.

– Угу. На этот раз удалось. Так чем вы недовольны?

– Вы солгали ей, чтобы сделать это.

– Я ее перехитрил, – возразил я. – С феями только так и можно.

Он зажмурился, потом другой полой плаща вытер эктоплазму с клинка *«Амораккуса»*.

– Я всегда считал вас честным человеком, Гарри, – произнес он с оскорбленным видом. – Я не могу поверить в то, что вы солгали ей.

Я негромко рассмеялся. Я слишком устал, чтобы шевелиться.

– Вам не верится, что я ей солгал.

– Ну… нет, – как бы оправдываясь, пояснил он. – Мы должны побеждать, но не так. Мы же хорошая сторона, Гарри.

Я посмеялся еще и попробовал стереть с лица кровь.

– А как же!

Где-то в глубине больницы заголосила сирена. В палату

вошла сестра, бросила взгляд на нас двоих и с визгом выбежала обратно.

– А знаете, что меня беспокоит? – спросил я.

– Ну, что?

Я отложил обугленный посох и жезл.

– Мне вот интересно, каким это образом моя крестная ухитрилась оказаться поблизости именно тогда, когда я шагнул в Небывальщину. Это ведь не маленькая деревушка, где все сразу становится известно. Я не пробыл там и пяти минут, когда она объявилась на сцене.

Майкл убрал меч в ножны и осторожно положил его на пол, в пределах досягаемости правой руки. Потом расстегнул плащ и поморщился.

– Да. Это мало похоже на простое совпадение.

Тут нам пришлось заложить руки за голову: в палату ворвался с пистолетом наголо патрульный коп в куртке и штанах, забрызганных пролитым кофе. Так мы и сидели: с руками за головой, изо всех сил стараясь казаться дружественно настроенными и не представляющими угрозы.

– Не беспокойтесь, – шепнул мне Майкл. – Дайте я сам ему все объясню.

Глава седьмая

Майкл уронил лицо на руки и вздохнул.

– Даже не верится, что мы в тюрьме.

– Нарушение общественного порядка, – фыркнул я, расхаживая взад-вперед по камере предварительного заключения. – Незаконное проникновение в больницу. Ха! То-то бы они увидели нарушенного порядка, если бы мы туда не проникли… незаконно, – я выудил из кармана еще дюжину нарушений. – Нет, вы только послушайте: превышение скорости, несоблюдение дорожных знаков, опасное и безответственное управление транспортным средством. И вот вам самое лучшее: незаконная ***парковка.*** У меня права отнимут!

– Не судите их слишком строго, Гарри. Можно подумать, мы сами смогли объяснить им все в доступных им выражениях.

Я раздраженно лягнул стальную решетку и тут же пожалел об этом, такая боль пронзила ногу: первым делом после ареста меня разули, оставив босиком. В дополнение к ноющим ребрам, ссадинам на голове и распухшим пальцам это было последней каплей. Я плюхнулся на кушетку рядом с Майклом и сдулся как воздушный шарик.

– Нет, я балдею от этого, – буркнул я, отойдя немного. – Люди вроде нас с вами бьются с вещами, которые этим шутникам, – я сделал рукой широкий жест, – даже и не снились.

Не говоря о том, что нам за это не платят, ***вот*** что мы получаем вместо хотя бы благодарности.

– Такова природа зверя, – философски заметил Майкл.

– Плевать я хотел на эту природу. Я просто терпеть не могу, когда происходит что-то вроде этого, – я снова встал и принялся бесцельно расхаживать взад-вперед по камере. – И уж что меня действительно бесит – так это то, что мы так и не знаем пока, что взбаламутило весь потусторонний мир. Это ведь серьезно, Майкл! Если мы не разделаемся с тем, что стоит за…

– С тем, ***кто*** стоит за этим.

– Верно, кто стоит за этим – никто не знает, во что все это выльется.

Майкл едва заметно улыбнулся.

– Господь никогда не возложит на ваши плечи больше, чем они вынесут, Гарри. Все, что нам остается – это быть готовыми ко всему и не терять веры.

Я ответил ему взглядом, лишенным энтузиазма.

– В таком случае мне не помешали бы плечи пошире. Должно быть, в моем случае кто-то ошибся в расчетах.

Майкл устало рассмеялся, потом помотал головой и лег на кушетку, заложив руки за голову.

– Мы сделали то, что должны были сделать. Разве этого мало?

Я подумал обо всех тех младенцах, сопевших и издававших другие славные звуки на руках у наполнивших пала-

ту сестер. Один, маленький, пухлый, прямо как с рекламы детского питания, так просто оглушительно икнул и тут же уснул на плече у тащившей его к матери медсестры. Дюжина крошечных жизней, перед каждой из которых открывалось необъятное будущее – будущее, которого бы их разом лишили, не вмешайся в это я.

Я заметил, что уголки моего рта загибаются вверх в довольно дурацкой ухмылке, и ощутил слабое, но все же удовлетворение от проделанной работы, которое не удалось стереть даже царившему у меня в душе раздражению. Я отвернулся от Майкла, чтобы он не заметил улыбки, и постарался придать голосу все то же устало-равнодушное выражение.

– Мало ли этого? Боюсь, маловато будет.

Майкл снова рассмеялся. Я свирепо нахмурился на него, но он только расхохотался еще громче, так что я бросил притворяться и просто прислонился к прутьям решетки.

– Как думаете, сколько нам еще здесь торчать?

– Я никогда еще прежде не попадал в тюрьму, – признался Майкл. – Так что вам виднее.

– Эй! – возмутился я. – Что вы хотите этим сказать?

Улыбка Майкла как-то разом померкла.

– Черити, – предположил он, – вряд ли обрадуется этому.

Я поморщился. Черити звали жену Майкла.

– Угу, пожалуй. Но все, что нам остается – это быть готовыми ко всему и не терять веры – так ведь?

– Я вознесу молитву Святому Иуде, – буркнул Майкл.

Я приснился лбом к решетке и закрыл глаза. У меня болели даже те места, которые, как мне казалось, вообще не могут болеть. Пожалуй, я мог бы задремать даже стоя.

– Все, что мне хочется, – сказал я, – это вернуться домой, вымыться и завалиться спать.

Примерно через час пришел, наконец, дежурный. Он отворил дверь камеры и сообщил нам, что за нас внесен залог. Я ощутил в животе неприятную пустоту. Мы с Майклом вышли из КПЗ в соседнюю комнату.

Там нас уже ждала женщина в свободном платье и тяжелом кардигане. Она стояла, сложив руки на животе – судя по объему последнего, она находилась на седьмом или восьмом месяце. Она отличалась высоким ростом, пышными, шелковистыми светлыми волосами до талии, довольно-таки приятными чертами лица и темными глазами, полными плохо сдерживаемой злости.

– Майкл Джозеф Патрик Карпентер, – рявкнула она и зашагала к нам. Вообще-то она не шла, а ковыляла, переваливаясь – с таким-то животом – но вся ее поза придавала ей решительность и целеустремленность. – Ты докатился до точки. Вот что бывает, когда водишься с дурной компанией.

– Хелло, ангел мой, – пророкотал Майкл и склонился, чтобы запечатлеть на ее щеке нежный поцелуй. Она приняла его с чувственностью дракона с острова Комодо.

– И не называй меня ангелом. Знаешь, сквозь что мне пришлось пройти, чтобы найти, на кого оставить детей, собрать

деньги, добраться сюда и в довершение всего отобрать у полицейских этот твой проклятый меч?

– Привет, Черити! – лучезарно улыбнулся ей и я. – Сколько лет, сколько зим! Как давно мы общались в прошлый раз – тому уж три года? Или четыре?

– Пять лет, мистер Дрезден, – отозвалась она, испепелив меня взглядом. – И, если будет на то Божья воля, надеюсь, пройдет еще пять лет, прежде чем я снова столкнусь с вашим идиотизмом.

– Но я…

Она повернулась ко мне, и выдающийся живот ее уперся в меня тараном древнегреческой боевой галеры.

– Всякий раз, когда судьба сводит Майкла с вами, вы втягиваете его в какую-нибудь неприятность. Вот теперь уже и в тюрьму! Что подумают об этом дети?

– Послушайте, Черити, это было действительно важ…

– Миссис Карпентер, – грозно поправила она. – У вас все и всегда ужасно важно, мистер Дрезден. Верно, мой муж занят разными важными делами и без вашей, с позволения сказать, «помощи». Но только когда рядом оказываетесь вы, только тогда он возвращается ко мне весь в крови.

– Эй, – возмутился я. – Я ведь тоже ранен.

– Вот и хорошо, – отрезала она. – Может, в будущем это научит вас осторожности.

Я нахмурился на нее сверху вниз.

– Я хочу, чтобы вы поняли…

Она схватила меня за ворот рубахи и пригнула к своему лицу. Она оказалась неожиданно сильной, и ухитрялась испепелять меня взглядом, не заглядывая при этом мне в глаза.

– Нет, это ***я*** хочу, чтобы ***вы*** поняли, – ледяным тоном произнесла она, – что если вы хоть раз втянете Майкла в неприятность, настолько серьезную, что он не вернется в семью, я заставлю вас пожалеть об этом, – глаза ее на мгновение посветлели от слез, которые не имели никакого отношения к слабости, и ее передернуло от гнева. Должен признаться, в тот момент ее угроза изрядно меня напугала – при всей ее беременности и всем таком прочем.

В конце концов она отпустила меня и повернулась к мужу, осторожно коснувшись темной царапины у того на щеке. Майкл охватил ее руками, и она, всхлипнув, прижалась к нему, уткнувшись лицом ему в грудь и беззвучно плача. Очень осторожно, будто боясь сломать, Майкл сжал ее плечи и погладил по волосам.

С минуту я стоял рядом с ними дурак-дураком. Наконец, Майкл посмотрел на меня, на мгновение встретившись со мной взглядом. Потом повернулся, взял жену под руку и направился к выходу.

С минуту я смотрел им вслед. Потом сунул руки в карманы и отвернулся. Прежде я ни разу не замечал, как эти двое дополняют друг друга: Майкл с его немногословной силой и неизменной надежностью скалы, и Черити со рвущимися из нее страстями и неколебимой преданностью мужу.

Женатые люди. Порой при взгляде на таких я ощущаю себя персонажем из Диккенсовской повести, стоящим на морозе и заглядывающим в окно на рождественский ужин. Отношения такого рода пока мало на меня действовали. Мне кажется, все это имеет какое-то отношение к демонам, призракам и человеческим жертвоприношениям.

Я все еще стоял, погруженный в раздумья, когда ощутил ее присутствие – еще прежде аромата ее духов до меня донеслись излучаемые ей тепло и энергия, с которыми я успел свыкнуться за то время, что мы вместе. Сьюзен задержалась в дверях, оглянувшись через плечо. Я смотрел на нее. Вот уж что мне никогда не надоедает. Смуглая кожа Сьюзен загорела еще сильнее в прошлые выходные, которые мы провели на пляже; черные как смоль волосы она стригла чуть выше плеч. Она была в легкомысленной мини-юбке и топике, оставлявших открытым загорелое пузо, и сложение ее заставило дежурного копа завистливо вздохнуть. Мой телефонный звонок застал ее как раз в тот момент, когда она выбегала ко мне на свидание.

Она повернулась ко мне и улыбнулась; карие глаза ее чуть тревожно расширились, но продолжали излучать тепло. Потом она снова оглянулась в коридор, куда вышли Майкл с Черити.

– Красивая они пара, правда?

Я попытался улыбнуться в ответ, хотя не уверен, что мне это удалось.

– У их отношений неплохая основа.

Взгляд Сьюзен скользнул по моему лицу, задержавшись на царапинах и ссадинах, и выражение тревоги в ее глазах усилилось.

– Правда? И какая же?

– Он спас ее от огнедышащего дракона, – я шагнул к ней.

– Звучит красиво, – сказала она, и шагнула мне навстречу. Мы встретились, и она обняла меня, от чего мои многострадальные ребра протестующе взвыли. – Ты в порядке?

– Буду в порядке.

– Значит, снова охотился за привидениями с Майклом. А у него какая история?

– Не для печати. Гласность может ему навредить. У него дети.

Сьюзен нахмурилась, но кивнула.

– Ладно, – сказала она, не отказавшись от капли мелодрамы в голосе. – Так кто же он? Вечный борец? Или рыцарь короля Артура, пробудившийся в наш безумный век, чтобы сразиться с силами зла?

– Насколько мне известно, он просто плотник.

Сьюзен подозрительно заломила бровь.

– Который сражается с призраками. Что, он вооружен волшебным дробовиком или чем-то в этом роде?

Теперь уже я с трудом удерживался от улыбки. Мышцы в углах рта тоже болели.

– Не совсем. Он праведный человек.

– А на вид ничего, вполне симпатичный.

– Нет, не из нудных святош. Он праведный по-настоящему. Честный, преданный, исполненный веры. Он живет своими идеалами. Они дают ему силу.

Сьюзен нахмурилась.

– Он выглядит достаточно заурядным. Я бы ожидала… ну, не знаю… Чего-то такого. Может, другого поведения.

– Это все потому, что он еще и скромен, – пояснил я. – Если его спросить, праведен ли он, он посмеется над твоими словами. Мне кажется, это тоже существенно. Я ни разу еще не встречал никого, хоть немного похожего на него. Он хороший человек.

Она прикусила губу.

– А что меч?

– *«Аморакциус»*, – поправил я.

– Он дал своему мечу имя. Очень по-фрейдистски. Впрочем, его жена едва не перегрызла горло их чиновнику, чтобы вернуть его.

– Это для него очень важно, – объяснил я. – Он верит, что это один из трех мечей, дарованных Господом человечеству. Каждый из них украшен гвоздем, по преданию скреплявшим тот самый Крест. Носить их дозволено только настоящим праведникам. Тем, которые называют себя Рыцарями Креста. Все остальные зовут их Рыцарями Меча.

Сьюзен нахмурилась.

– Креста? – переспросила она. – С большой буквы?

Я неловко пожал плечами.

– Откуда мне знать? Майкл в это верит. Такая вера сама по себе – источник огромной силы. Возможно, больше ничего и не надо, – я перевел дух и сменил тему. – Так или иначе, мою машину арестовали. Мне пришлось гнать во весь опор, и копам это не понравилось.

В темных глазах ее вспыхнули искорки.

– Что-нибудь достойное репортажа?

Я устало рассмеялся.

– Послушай, ты когда-нибудь успокоишься?

– Должна же девушка зарабатывать себе на пропитание, – заявила она и, взяв под руку, потащила меня из комнаты.

– Может, лучше завтра? Все, что мне хочется – это вернуться домой и поспать хоть немного.

– И никаких, насколько я понимаю, свиданий? – она улыбалась, но я-то видел, что улыбка эта далась ей с трудом.

– Прости. Я…

– Я понимаю, – вздохнула она. Я чуть сбавил шаг, и она – тоже, хотя ни я, ни она не шли слишком уж быстро. – Я знаю, Гарри: то, что ты делаешь – очень важно. Мне просто хочется… иногда… чтобы…

– Чтобы что?

– Ничего. Нет, правда. Это все мой эгоизм.

– Так что же? – настаивал я. Я нащупал избитыми пальцами ее ладонь и осторожно сжал ее.

Она вздохнула и остановилась, повернувшись ко мне. По-

том взяла меня за руки и опустила глаза.

– Мне только хочется, чтобы и я была для тебя такой же важной.

Я вдруг ощутил себя ужасно неловко. Черт, услышать такое было и впрямь чертовски больно.

– Эй, как ты могла подумать, будто ты для меня не важна?

– Ох, – сказала она, так и не поднимая взгляда. – Не в этом дело. Я же говорю, это все мой эгоизм. Ничего, справлюсь.

– Ты только не думай, что я не… – я замялся и перевел дух. – Что я не… То есть, я хочу, чтобы ты знала, что я… – ***«Люблю тебя»***. Всего-то два слова, ничего трудного, но они застревали у меня в горле. Я никогда еще не говорил их тем, кого не теряю, и всякий раз, как я пытаюсь произнести их, они застревают где-то на полпути.

Сьюзен наконец-то посмотрела на меня, подняла руку и осторожно коснулась бинтов у меня на голове. Пальцы ее были легкими, нежными, горячими. В коридоре воцарилась неловкая тишина. Я стоял и молча смотрел на нее дурак-дураком.

В конце концов я склонил голову и поцеловал ее. Я поцеловал ее крепко-крепко, словно пытался вытолкнуть слова из моего дурацкого рта в ее. Не знаю, поняла ли она меня, но она прижалась ко мне всем своим горячим, мягким телом, от которого вкусно пахло корицей. Одна из моих рук сама собой скользнула вниз, к легкой выпуклости мышц на талии, и прижала ее ко мне еще крепче.

В коридоре послышались чьи-то шаги. Мы улыбнулись и оторвались друг от друга. Мимо нас прошла женщина-полицейский. Губы ее изогнулись в понимающей улыбке, и я почувствовал, что краснею.

Сьюзен сняла мою руку со своей талии, поднесла ее к губам и коснулась ими моих избитых, обожженных пальцев.

– Только не думай, что ты так легко отделался, Гарри Дрезден, – заявила она. – Я заставлю тебя говорить, даже если это тебя угробит, – впрочем, развивать эту тему дальше она не стала. Мы забрали у дежурного мой посох и вышли на волю.

Всю дорогу до моего дома я проспал, но проснулся, когда под шинами захрустел гравий – им усыпана стоянка у лестницы, ведущей вниз, к дверям моей берлоги. Мы вышли из машины, я потянулся, огляделся по сторонам и нахмурился.

– Что-то не так? – спросила Сьюзен.

– Мистер, – сказал я. – Он всегда выбегает встретить меня, когда я возвращаюсь. Я выпускал его на улицу сегодня утром.

– Он же кот, – возразила Сьюзен. – Может, у него свидание.

– А что, если он попал под машину? Или на него напала собака?

Сьюзен рассмеялась и, обойдя машину, подошла ко мне.

Мой либидо отреагировал на то, как покачивала она при ходьбе бедрами – в ее-то коротенькой юбочке! – с энтузиаз-

мом, от которого все мои измученные мускулы возмущенно заныли.

– Он же здоров как лошадь, Гарри. Мне жаль ту собаку, которая попытается связаться с ним.

Я полез в машину забрать с заднего сиденья свои жезл и посох, потом обнял ее. Было все-таки чертовски здорово в конце долгого и тяжелого дня ощущать рядом с собой ее тепло, аромат корицы. Вот только Мистер не выбежал ко мне навстречу потереться о ноги, и это было неправильно.

Одного этого хватило бы, чтобы выбить меня из колеи. Я не говорю уже об усталости, боли и сексуальном возбуждении. В общем, я испытал совершеннейшее потрясение, когда в лицо мне ударил вихрь ледяной энергии, а следом за ним поднялась по ступеням от моей двери похожая на тень фигура. Я застыл, потом отступил на шаг, и тут же увидел, как вторая такая же фигура вынырнула из-за угла дома и направилась в нашу сторону. По спине моей побежали мурашки.

Сьюзен заметила их на пару секунд позже, чем я.

– Гарри, – едва слышно выдохнула она. – Что это? Кто это такие?

– Не дергайся, но достань ключи от машины, – сказал я. Фигуры приближались, и поток ледяной энергии все увеличивался. Глаза той, что шла первой, блеснули в свете уличного фонаря угольно-черным отсветом. – Мы убираемся отсюда. Это вампиры.

Глава восьмая

Один из вампиров испустил бархатистый смешок и ступил в круг света на асфальте. Он не отличался особо уж высоким ростом, но двигался с непринужденной, угрожающей грацией, которая как-то плохо вязалась с его кристально-прозрачными голубыми глазами, стильной стрижкой и белоснежным теннисным костюмом.

– Бьянка предупреждала, что вы можете реагировать довольно нервно, – мурлыкнул он.

Вторая фигура приближалась к нам от угла. Она тоже была невысока, хрупкого сложения; подобно мужчине, глаза ее были того же прозрачно-голубого, а волосы – золотого цвета. И оделась она так же: в белый теннисный костюм.

– Но, – томно выдохнула она и по-кошачьи облизнулась, – она не предупредила нас, что вы будете пахнуть так восхитительно вкусно.

Сьюзен звякнула ключами в кармане и, дрожа от страха и возбуждения, прижалась ко мне.

– Гарри?

– Не смотри им в глаза, – сказал я. – И не позволяй им лизнуть тебя.

Сьюзен удивленно покосилась на меня.

– Лизнуть?

– Да. Их слюна действует подобно наркотику, вызывая за-

висимость, – пятясь, мы оказались у машины. – Лезь внутрь.

Вампир-самец открыл рот, блеснув заостренными клыками, и рассмеялся.

– Мир, чародей. Мы здесь не за твоей кровью.

– Говори за себя, – возразила ему девица. Она снова облизнулась, на этот раз я разглядел на ее языке черные крапинки. Тьфу.

Самец улыбнулся и положил руку ей на плечо – наполовину нежно, наполовину предупреждающе.

– Моя сестра вчера не поужинала как следует, – пояснил он. – Она, видите ли, на диете.

– Вампир? – едва слышно пробормотала Сьюзен. – На диете?

– Ага, – негромко подтвердил я. – Сама понимаешь, «Гербалайф» им не предложишь.

Сьюзен поперхнулась.

Я повернулся к самцу и повысил голос.

– Раз так, кто вы? И что делаете у моего дома?

Он вежливо склонил голову.

– Меня зовут Кайли Гэмилтон. А это моя сестра, Келли. Мы находимся на службе у мадам Бьянки, и мы здесь затем, чтобы передать вам послание. Точнее говоря, приглашение.

– Для того, чтобы передать приглашение, не обязательно посылать двоих. Хватило бы и одного.

Кайли покосился на сестру.

– Собственно, мы заглянули сюда по дороге на теннис.

Парный турнир.

– Да, конечно, – фыркнул я. – Ладно, что бы вы там ни продавали, мне этого не нужно. Можете идти.

Кайли нахмурился.

– Я посоветовал бы вам подумать еще раз, мистер Дрезден. Кому как не вам знать, что мадам Бьянка – самый влиятельный вампир города Чикаго. Отказ от ее приглашения может иметь печальные последствия.

– Не люблю, когда мне угрожают, – парировал я, поднял свой жезл и нацелил его прямо в младенчески-голубые глаза Кайли. – Продолжайте в том же духе, и на том месте, где вы стоите, будет грязное пятно.

Сладкая парочка улыбнулась в ответ – этакие невинные ангелочки с острыми клыками.

– Ну, ну, мистер Дрезден, – вздохнул Кайли. – Прошу вас, поймите меня правильно: я всего лишь намекаю на потенциальные неприятности дипломатического инцидента между Коллегией Вампиров и Белым Советом.

Опаньки… Это совершенно меняло дело. Мгновение я колебался, потом опустил жезл.

– Значит, это дела Коллегии? В смысле, официальные?

– Коллегия Вампиров, – объявил Кайли казенным тоном, – официально приглашает Гарри Дрездена, Чародея, в качестве официального представителя чародейского Белого Совета, почтить своим присутствием прием, посвященный производству Бьянки Сен Клер в ранг Маркграфини Колле-

гии Вампиров. Прием имеет состояться через три ночи, считая с настоящего вечера; приглашенные ожидаются, начиная с полуночи, – Кайли сделал паузу, чтобы извлечь из кармана дорогой на вид белый конверт, и снова ослепительно улыбнулся. – Разумеется, безопасность всех приглашенных гарантируется поручительством вышеуказанной Коллегии.

– Гарри? – прошептала Сьюзен. – Что происходит?

– Подожди немного, и я все тебе объясню, – сказал я и шагнул от нее вперед. – Значит, вы выступаете в качестве полномочного посланника Коллегии?

– Совершенно верно, – подтвердил Кайли.

Я кивнул.

– Что ж, давайте сюда приглашение.

Оба двинулись ко мне. Я поднял жезл и пробормотал слово заклинания. Жезл налился энергией, и конец его, обращенный в сторону вампиров, угрожающе засиял.

– Не она, – сказал я, мотнув головой в сторону посланниковой сестрицы. – Вы один.

Кайли продолжал улыбаться, но цвет его глаз изменился с голубого на угольно-черный, совершенно скрывший белки.

– Ну, ну, – произнес он несколько напряженным голосом. – не перегибаем ли мы палку, а, мистер Дрезден?

Я улыбнулся в ответ.

– Послушай, красавчик, ты посланник. Ты знаешь правила игры не хуже меня. Полномочия доставить и передать послание, равно как право на свободу прохода распростра-

няются на тебя до тех пор, пока ты не начинаешь затевать неприятности, – я махнул жезлом в сторону стоявшей рядом с ним девицы. – А на нее не распространяются вообще. И сама она тоже не обязана хранить мир. Скажем так, я предпочитаю, чтобы мы все разошлись на этом.

Оба испустили шипящий звук, невоспроизводимый человеческими органами речи. Кайли бесцеремонно оттолкнул Келли себе за спину, где она и осталась, скрестив мягкие на вид ручки на животе и поблескивая угольно-черными, лишенными абсолютно всего человеческого глазками. Кайли шагнул ко мне и поднял руку с конвертом. Подавив страх, я опустил жезл и взял его.

– Твое дело здесь сделано, – сказал я ему. – Убирайся.

– Тебе лучше прийти туда, Дрезден, – огрызнулся Кайли, отступая к сестре. – Моя госпожа будет в высшей степени огорчена, если ты не придешь.

– Я сказал тебе убираться, Кайли, – я поднял руку, собрал злость и страх – то горючее, что случилось у меня под рукой – в комок. – *Ventas servitas!*– негромко произнес я.

Энергия вырвалась из меня. Повинуясь моей команде, поднявшийся ветер налетел на вампиров, швырнув в них облаком пыли, грязи и щепок. Оба пошатнулись и подняли руки, прикрывая глаза.

Когда ветер, наконец, стих, я устало ссутулился – двигать такое количество воздуха потребовало от меня слишком много сил. Вампиры собирались с мыслями и усилен-

но моргали запорошенными глазами. Их безупречно белые теннисные костюмы изрядно перепачкались и измялись, но, что приятнее всего, их пижонские прически растрепались, и волосы теперь торчали клоками во все стороны.

Они зашипели и съежились в причудливых позах, удерживаемые в них нечеловеческой легкостью. А потом их теннисные костюмы мелькнули белым пятном, и они исчезли.

Я оставался начеку до тех пор, пока окружавший их холод не ослаб. Только тогда я убедился в том, что они действительно ушли, и позволил себе расслабиться. Ну, мне-то показалось, что я просто расслабился, но обычно, когда я расслабляюсь, меня не шатает, и мне не приходится упираться посохом в землю, чтобы не упасть. Так я постоял с минуту, ожидая, пока голова моя не перестанет идти кругом.

– Уау, – Сьюзен, нахмурившись, подошла ко мне. – Ну, Гарри, и друзей же ты себе выбираешь.

Я снова пошатнулся.

– Такие друзья мне даром не нужны.

Она подошла ко мне вплотную, и спасла мое самолюбие, поднырнув ко мне под руку, словно ища защиты, а на деле, помогая опереться на нее.

– Ты как, в порядке?

– Устал немного. Перетрудился за вечер. Должно быть, теряю форму.

– Ты идти-то сможешь?

Я ответил ей улыбкой – боюсь, немного натянутой, и шаг-

нул к лестнице. Мистер, мой серый кот, вылетел откуда-то из темноты и любовно врезался с размаху в мои ноги. Любви в тридцати фунтах живого веса, сами понимаете, предостаточно, и мне пришлось-таки схватиться за Сьюзен, чтобы не упасть.

– Что, Мистер, снова кушал маленьких детей?

Кот мяукнул, скатился по ступеням и царапнул лапой дверь.

– Так что? – спросила Сьюзен. – Вампиры устраивают званый вечер?

Я выудил из кармана ветровки ключи, отпер дверь своей берлоги, и Мистер пулей ворвался внутрь. Я закрыл за нами дверь и устало поплелся в гостиную. Огонь в камине догорел, но угли еще тлели, освещая помещение красно-золотым светом. Я вообще, украшая свое жилище, выбирал не столько краски, сколько фактуры. Мне нравятся текстура старого дерева, тяжелые ковры на голых каменных стенах. В мягкие кресла так и хочется опуститься, а по каменному полу накиданы там и здесь ковры всех возможных материалов и узоров, от персидских и до индейских.

Сьюзен помогла мне добраться до дивана, на который я и рухнул без сил. Она забрала у меня мои жезл и посох, сморщила носик на исходивший от последнего запах гари, и поставила их в угол рядом с тростью-шпагой. Потом вернулась ко мне и опустилась на колени – в ее короткой юбочке это было зрелище хоть куда. Она стащила с меня башмаки, и я

блаженно застонал, шевеля пальцами.

– Спасибо, – пробормотал я.

Она выдернула конверт из моих онемелых пальцев.

– Ты свечи можешь достать?

Вместо ответа я застонал.

– Бедный малютка, – фыркнула она. – Тебе просто хочется смотреть, как я прыгаю вокруг тебя в этой юбке.

– Виноват, – вздохнул я. Она улыбнулась мне и подошла к камину. Бросив в него несколько поленьев из старого жестяного поддона, она поворошила кочергой угли до тех пор, пока тот не разгорелся. Я не держу у себя в квартире электрического освещения. Проводка так часто выходит из строя, что просто нет смысла заменять ее то и дело. Вместо холодильника у меня старомодный ледник – ну, тот, что наполняется льдом. Мне страшно думать о том, что случилось бы, если бы ко мне был проведен газ.

В общем, я живу без отопления – если не считать камина, без горячей воды и электричества. Оборотная сторона моего ремесла. Должен признать, это сильно экономит коммунальные затраты, но бывает чертовски неудобно.

Сьюзен пришлось наклониться к самому огню, чтобы зажечь от него длинную свечу. Оранжевый свет так заиграл на мускулах ее ног, что я при всей своей усталости не в силах был оторвать взгляда.

Сьюзен встала с зажженной свечой в руке и ехидно улыбнулась, глядя на меня.

– Подглядываешь, Гарри!

– Виноват, – снова вздохнул я.

Она зажгла от первой несколько свечей на камине, потом, нахмурившись, разорвала белый конверт.

– Уау! – произнесла она и поднесла приглашение к свету. Написанного я не разобрал, но буквы отсвечивали тем бело-желтым глянцем, который бывает только у настоящего золота. – Предъявитель сего, чародей Гарри Дрезден, и одно сопровождающее лицо по его выбору имеют быть приглашенными на прием… Я думала, таких приглашений больше не рассылают.

– Это же вампиры. Они могут отстать от моды на двести лет и не замечать этого.

– А знаешь, Гарри, – вдруг встрепенулась Сьюзен, похлопав приглашением по запястью. – Мне в голову пришла одна мысль.

Мой мозг отчаянно силился стряхнуть оцепенение. В глубине моего сознания прозвенел тревожный звоночек: даже смертельно усталые, мои инстинкты предупреждали меня: Сьюзен что-то замышляет.

– М-м, – промычал я, моргая, чтобы прояснить мысли. – Надеюсь, ты не решила, что присутствие на балу откроет перед тобой широкие возможности?

Глаза ее сияли от возбуждения.

– Ты только подумай, Гарри. Там ведь будут существа, которым несколько сот лет от роду. За полчаса болтовни я на-

беру столько историй, что мне хватит…

– Уймись, Золушка, – сказал я. – Во-первых, я не собираюсь идти на этот бал. Во-вторых, даже если бы я и пошел, тебя бы я с собой не взял.

Она выпрямила спину и вызывающе уперла руку в бедро.

– Что ты хочешь этим сказать?

Я поморщился.

– Послушай, Сьюзен. Это же вампиры. Они кушают людей. Ты даже не представляешь себе, как это было бы опасно – мне явиться туда. Или, если уж на то пошло, тебе.

– А как быть с тем, что сказал Кайли? Насчет гарантий безопасности?

– Не слишком-то доверяй ему, – посоветовал я. – Послушай, у этих типов модно кричать о древних законах гостеприимства и этикета, но держатся они исключительно буквы. Никак не духа. Если мне вдруг подадут ядовитых грибочков, или кому-нибудь вздумается пострелять из автомата, а я окажусь там единственным смертным, они только состроят скорбную мину. «Надо же, какая жалость! Нам всем ужасно жалко, мы больше не будем, честное слово!»

– Так ты говоришь, они тебя убьют? – недоверчиво спросила Сьюзен.

– У Бьянки ко мне свои счеты, – объяснил я. – Сама она, конечно, вряд ли набросится на меня, чтобы впиться в горло, но запросто может подстроить что-нибудь не столь очевидное. Возможно, именно это она и задумала.

Сьюзен нахмурилась.

– Я видела, как ты устраивал дела и посложнее, чем с теми двоими.

Я устало вздохнул.

– Может, и так. Только к чему рисковать зря?

– Разве ты не понимаешь, что это может значить для меня? – обиделась она. – Гарри, взять хотя бы то видео волка-оборотня…

– Луп-гару, – поправил я.

– Да кем бы он ни был. Десяти секунд записи, которая продержалась всего-то три дня, прежде чем исчезнуть, хватило, чтобы продвинуть меня дальше, чем пять лет беготни. Если бы мне удалось опубликовать настоящие интервью с вампирами…

– Сьюзен, уймись. Ты слишком много читаешь бестселлеров. В настоящей жизни вампир съест тебя прежде, чем ты успеешь нажать на кнопку записи.

– Но я ведь и прежде шла на риск – и ты тоже.

– Я не ищу неприятностей на свою задницу, – возразил я.

Глаза ее возмущенно вспыхнули.

– Черт возьми, Гарри. Сколько мне еще разгребать то, что с тобой случается? Вроде сегодняшнего, когда я собиралась провести вечер с бойфрендом, а вместо этого выкупала его из кутузки?

Ох. Я опустил глаза.

– Сьюзен, поверь мне. Если бы я мог поступить по-друго-

му…

– Это же фантастическая возможность для меня. Другой такой не будет.

Она была права. И она вытаскивала меня из разных неприятностей достаточно часто, чтобы я был перед ней в долгу. Она имела право требовать от меня этого, как бы опасно все это ни было. Она взрослая девушка и могла отвечать за себя. И все-таки, черт подрал, не мог же я так просто кивнуть и с милой улыбкой пустить ее навстречу такой опасности. Лучше попытаться отвлечь ее.

– Нет, – сказал я. – У меня хватает проблем и без того, чтобы бесить Белый Совет.

Глаза ее подозрительно прищурились.

– Что еще за Белый Совет такой? Кайли говорил с тобой, будто это, типа, официальный орган. Это что, вроде их Коллегии Вампиров, только для чародеев, да?

Один в один, подумал я. Сьюзен не добилась бы своего положения, будь она глупа.

– Не совсем, – уклончиво сказал я.

– Ты ужасный лжец, Гарри.

– Белый Совет – это группа самых могущественных мужчин и женщин в мире, Сьюзен. Чародеев. Их капитал заключается в тайнах, и они не любят, когда люди их узнают.

Глаза ее вспыхнули как у гончей, напавшей на свежий след.

– И ты… выходит, ты кто-то вроде их посла?

Я невольно рассмеялся этому замечанию.

– Видит Бог, нет. Но я член Совета. Это вроде как обладатель черного пояса. Знак статуса, уважения. То есть, я обладаю правом голоса, а также обязан соблюдать установленные правила.

– И обладаешь полномочиями представлять их в случаях вроде этого?

Мне не понравилось направление, которое начала приобретать наша беседа.

– Гм. В такой ситуации… пожалуй, даже обязан.

– Выходит, если ты ***не*** пойдешь, тебе грозят неприятности?

Я нахмурился.

– Уж во всяком случае, не такие, как если бы я пошел. Худшее, в чем Совет сможет обвинить меня – это в непочтительности. Переживу как-нибудь.

– А если пойдешь? Ну давай же, Гарри. Что может случиться с тобой самого худшего?

Я развел руками.

– Да меня убить могут! А может, и хуже. Сьюзен, ты даже не представляешь себе, о чем просишь, – я вскочил с дивана, чтобы подойти к ней. Это я неудачно придумал – голова сразу пошла кругом, а в глазах потемнело.

Я упал бы, но Сьюзен бросила приглашение и подхватила меня. Она опустила меня обратно на диван, а я охватил ее рукой за талию и увлек за собой. Она была мягкая и горячая.

Так мы лежали с минуту. Она потерлась щекой о мою ветровку. Кожаная куртка скрипнула. Я услышал ее вздох.

– Извини, Гарри. Не надо было мне лезть к тебе с этим сейчас.

– Все в порядке, – заверил я ее.

– Мне просто показалось, это круто. Если бы мы…

Я чуть повернулся, зарылся пальцами в темную гриву ее волос и поцеловал.

Глаза ее на мгновение открылись широко-широко, потом зажмурились. Так и не досказанная фраза сменилась негромким мычанием, а губы ее сделались еще мягче и горячее. При всех моих усталости и синяках, поцелуй оказался очень ничего. Очень даже ничего. От нее вкусно пахло, и губы ее под моими оказались податливыми и возбуждающими. Она скользнула пальцами под пуговицы моей рубашки и погладила мою кожу, от чего по всему моему телу словно электрический разряд прошел.

Мы соприкоснулись языками, и я прижал ее крепче к себе. Она снова застонала, потом вдруг оттолкнула меня, чтобы обвить мои бедра ногами, и принялась целовать меня так, словно готова была проглотить меня целиком. Задержав большие пальцы на ее копчике, я провел руками по ее бедрам, и она шевельнула ими, вжимаясь в меня. Я скользнул руками ниже, провел ими по гладкой коже ног, потом приподнял юбку и на долю секунды оцепенел, когда до меня дошло, что под юбкой ничего нет… впрочем, мы ведь соби-

рались провести этот вечер вместе. Всю мою усталость, всю мою боль словно рукой сняло, и я крепко-крепко сжал ее так, что она охнула.

Она чуть отстранилась и принялась возиться с моим поясом, горячо дыша мне в лицо.

– Гарри, извращенец ты этакий! Думаешь, это надолго отвлечет меня от дел?

Впрочем, сразу за этим мы оба приложили все усилия, чтобы не думать вообще ни о чем, а потом уснули, так и спутавшись руками, ногами и волосами.

Ну что ж. Значит, все-таки не весь день был адом кромешным.

Как выяснилось, настоящий кромешный ад разверзся наутро.

Глава девятая

Мне снился сон.

Кошмар показался мне знакомым, почти успокаивающим, хотя с тех пор, как я пережил его наяву, минул не один год. Все началось в пещере со стенами из прозрачного хрусталя. Пещера освещалась неяркими отблесками горящих в канделябрах свечей. Серебряные оковы туго врезались мне в запястья, и голова моя кружилась так сильно, что я едва сохранял равновесие. Я покосился налево, направо, и увидел собственную кровь, стекающую по оковам в тех местах, где они прорезали кожу, в две подставленных глиняных чаши.

Ко мне подошла моя крестная, бледная, ослепительно прекрасная в отсветах огня; волосы ее обволакивали тело облаком невесомого шелка. Красота леди-сидхе не поддавалась описанию, взгляд околдовывал, уста манили к себе… Она поцеловала меня в обнаженную грудь, и по телу моему пробежала дрожь ледяного восторга.

– Скоро, – прошептала она в промежутке между поцелуями. – всего несколько безлунных ночей, сладкий ты мой, и ты достаточно окрепнешь.

Она продолжала целовать меня, и взгляд мой затуманился окончательно. Холодное наслаждение, волшебство фэйре текло из ее уст целебным зельем – а может, ядом – и само по себе было настолько сладким, что почти мучило,

почти заставляя забыть боль от оков и потерю крови. Почти. Я отчаянно пытался вздохнуть и уставился на огонь, концентрируя на нем все свое внимание, чтобы не сорваться в черноту…

Сон изменился. Мне снился огонь. Кто-то, кого я некогда любил как отца, стоял в центре огненного столба, крича от боли. Нет, не крича – визжа жутко, истошно, не думая уже ни о гордости, ни о достоинстве, ни о сохранении человеческого облика. Во сне – как и тогда, в жизни – я заставил себя смотреть, как чернеет и отваливается от костей плоть, как корчатся в огненных конвульсиях мышцы, пока я стоял и, так сказать, дул на угли.

– Джастин, – прошептал я. В конце концов, не в силах больше смотреть, я зажмурился и низко склонил голову, слыша только грохот собственного сердца в ушах. Стук. Стук моего сердца.

Я проснулся и открыл глаза. Входная дверь сотрясалась под чьими-то сокрушительными ударами. Сьюзен проснулась одновременно со мной и села, придерживая на груди одеяло. За окном все еще было темно. Самая длинная свеча еще не догорела, но угли в камине снова едва тлели.

Казалось, в моем теле не осталось ни одной клетки, которая не болела бы – все мои суставы и мышцы требовали восстановления после долгого и тяжелого дня. Стук не прекращался; я встал и поплелся на кухню. Мой револьвер тридцать восьмого калибра потерялся год назад, в бою со стаей по-

лусумасшедших ликантропов, и я заменил его другим, триста пятьдесят седьмого калибра, со стволом средней длины. Должно быть, в тот день я ощущал себя тревожнее обычного.

Пистолет весил, казалось, фунтов двести. Я проверил, заряжен ли он, и повернулся к двери. Сьюзен смахнула волосы с глаз, уставилась на пистолет в моей руке и подалась назад, подальше от линии огня. Умница. Молодчина, Сьюзен.

– Вы мало чего добьетесь, ломая дверь, – крикнул я. Пистолета на дверь я, правда, пока не наводил. Никогда не целься из пистолета в кого угодно, если не уверен, что желаешь его смерти. – Я заменил старую стальной, в стальной же коробке. Демоны, понимаете ли.

Стук прекратился.

– Дрезден! – окрикнул меня Майкл из-за двери. – Я пытался дозвониться до вас, но у вас, должно быть, снята трубка. Нам нужно поговорить.

Я нахмурился и убрал револьвер обратно на полку.

– Ладно, ладно. Только потише, Майкл. Знаете, сколько времени?

– Время поработать, – ответил он. – Солнце вот-вот взойдет.

– Псих, – пробормотал я.

Сьюзен окинула взглядом разбросанные по всей комнате детали нашей с ней одежды, одеяла и подушки.

– Я, пожалуй, подожду у тебя в спальне, – сказала она.

– Тоже верно, – согласился я, отворил кухонный шкаф и

достал оттуда свой теплый халат – тот, в котором обычно работаю в лаборатории. – Укройся только там потеплее, ладно? Мне совершенно не нужно, чтобы ты простудилась.

Она сонно улыбнулась мне, встала – вся в волнительных полосках загара – и скрылась в моей маленькой спальне, затворив за собой дверь. Я пересек комнату и открыл дверь, запуская Майкла внутрь.

Сегодня на нем были голубые джинсы, фланелевая рубаха и кожаная куртка на цигейке. Как обычно, на плече его висела большая спортивная сумка, внутри которой смутно ощущалась скрытая мощь *«Аморакциуса»*. Я перевел взгляд с сумки на его лицо.

– Что, неприятности?

– Не исключено. Вы никого не посылали вчера к отцу Фортхиллу?

Я потер глаза, пытаясь стряхнуть сонливость. Кофе. Вот что мне позарез нужно сейчас: кофе. Или кока-колы. Что угодно, только бы в нем нашлось немного кофеина.

– Да. Девушку по имени Лидия. Она боялась, что ее преследует демон.

– Он позвонил мне минут сорок назад. Кто-то всю ночь пытался проникнуть к нему в церковь.

Я зажмурился.

– Что? Неужели проник?

Майкл мотнул головой.

– Он почти ничего не успел мне рассказать. Можете сей-

час поехать со мной и посмотреть, в чем дело?

Я кивнул и отступил от двери.

– Только дайте мне пару минут, – я добрел до ледника и вынул оттуда банку колы. Пальцы достаточно отошли от вчерашнего, чтобы открыть ее, хотя некоторая онемелость в них все еще чувствовалась. Мой желудок проснулся и напомнил мне, что я не уделял ему должного внимания, и я достал из ледника тарелку холодного мяса.

Я сделал большой глоток колы и соорудил себе здоровенный сандвич. В общем, не прошло и минуты, как я выглянул из кухни и увидел Майкла, созерцавшего царивший у меня в гостиной разгром. Он осторожно потолкал носком башмака одну из Сьюзеновых туфель и поднял на меня извиняющийся взгляд.

– Простите. Я не знал, что вы не один.

– Все в порядке.

На лице Майкла мелькнула улыбка, и он кивнул.

– Хорошо. Да, кстати: стоит ли мне читать вам лекцию о пагубности добрачных половых сношений?

Я буркнул что-то насчет неурочного часа, непрошеных гостей и жаб. Майкл только тряхнул головой и ухмыльнулся, глядя, как я, давясь, разделываюсь с едой.

– Так вы ей сказали?

– Что именно?

Он заломил бровь. Я закатил глаза.

– Ну, почти.

– Почти сказали?

– Вот именно. Нам помешали.

Майкл потрогал носком вторую Сьюзенову туфлю и деликатно покашлял.

– Ясно.

Я добил сандвич и половину колы, потом пересек комнату и проскользнул в спальню. В комнате было, мягко говоря, свежо, так что Сьюзен свернулась калачиком, натянув на себя все одеяла, поверх которых растянулся спиной к ней Мистер. При моем появлении он удостоил меня сонным, полным самодовольства взглядом.

– Спи, спи, толстый, – буркнул я ему, поспешно одеваясь. Носки, джинсы, футболка, толстая фланелевая рубашка. Мамин амулет на шею, еще один заговоренный браслет из маленьких серебряных щитов на левое запястье – взамен того, что я отдал Лидии. Простое серебряное колечко с цепочкой рун на внутренней поверхности – на палец правой руки. Браслет и кольцо пощипывали кожу энергией заклятий, которые я совсем еще недавно на них наложил.

Я склонился над кроватью и чмокнул Сьюзен в щеку. Она сонно пробормотала что-то в ответ и залезла под одеяла с головой. Я подумал, не залезть ли к ней на минутку перед уходом – проверить, уютно ли ей там, но вместо этого вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

Мы с Майклом вышли и сели в его пикап – белый (а как же еще) «Форд», размера колес и мощности мотора которого

хватило бы, чтобы сдвинуть горы, и поехали в церковь Св. Марии Всех Ангелов.

Церковь Св. Марии Всех Ангелов велика размерами. То есть, еще как велика. Она возвышается над Уикер-парком более восьмидесяти лет, и на ее глазах этот район вырос из скопления дешевых домов для иммигрантов с редкими вкраплениями богатых особняков в нынешнее прибежище богемы, под завязку набитое яппи, художниками, процветанием и ожиданием такового. Как мне говорили, церковь построена по подобию базилики Св. Петра в Риме и как следствие огромна, изящна и слегка избыточна для своего окружения. Она занимает целый квартал, а это вам не фиг собачий.

Солнце встало, когда мы заруливали на стоянку у церкви. Я скорее ощутил, чем увидел первые лучи – внезапную, едва ощутимую смену сил, играющих с миром. С точки зрения магии восход чертовски значительный момент. Это время, когда все начинается сначала. Конечно, не все в магии так просто сводится к хорошему и плохому, свету и тьме, и все-таки очень уж много такого, что связано исключительно с ночью и использованием черной магии.

Мы припарковали пикап на задней – служебной – стоянке и вышли из машины. Майкл со своей сумкой шагал первым. Я поспевал за ним, сунув руки в карман куртки. Чем ближе мы подходили к церкви, тем неуютнее я себя чувствовал. Впрочем, никакая мистика здесь ни при чем. Я вооб-

ще неуютно чувствую себя в церквях. В свое время Святая Церковь пожгла уйму чародеев, обвиняя их в сговоре с Сатаной. Как-то странно было заходить туда по делу. Эй, Господи, привет, это я, Гарри. Будь так добр, не превращай меня в соляной столб…

– Гарри, – произнес Майкл, выдергивая меня из моих размышлений. – Смотрите-ка.

Он задержался у пары старых машин, припаркованных в заднем ряду стоянки. Кто-то изрядно, от души потрудился над ними – побил все окна, исцарапал капоты. Битые фары свисали на проводках перед бамперами; все покрышки тоже были спущены.

Нахмурившись, я обошел машины кругом. Красные и оранжевые осколки габаритных огней валялись на асфальте. Антенны были вырваны с корнем, и их то ли зашвырнули слишком далеко, то ли вообще унесли с собой. По бокови-нам протянулись длинные, рваные царапины – по три параллельных полосы.

– Ну? – спросил Майкл.

Я посмотрел на него и пожал плечами.

– Возможно, кто-то или что-то сильно раздосадовалось, не сумев проникнуть в церковь.

– Вам так кажется? – фыркнул он и повозился с сумкой так, чтобы рукоять *«Амораккиуса»*торчала у края молнии. – Как вы думаете, это «что-то» может еще находиться поблизости?

Я покачал головой.

– Сомневаюсь. С первыми лучами дневного света призраки обыкновенно убираются обратно в Небывальщину.

– Обыкновенно?

– Как правило. Почти без исключений.

Майкл еще раз внимательно посмотрел на меня и положил руку на эфес меча. Мы подошли к служебному входу. По сравнению с роскошью главного входа в церковь, он отличался поразительной скромностью. По обе стороны от двустворчатой двери кто-то старательно высадил с дюжину розовых кустов. Кто-то другой так же старательно изорвал их в клочки. Все до одного кусты были вырваны с корнем. Утыканные шипами ветки валялись по двору в радиусе нескольких десятков ярдов от двери.

Я нагнулся над одной из таких веток, потом над другой, присмотрелся к ним и нахмурился.

– Что это вы там ищете? – поинтересовался Майкл.

– Кровь на шипах, – ответил я. – Розовые шипы могут продырявить почти что угодно, так что тот, кто рвал их с таким остервенением, не мог не напороться.

– И как, нашли кровь?

– Ни пятнышка. И отпечатков на земле тоже нет.

Майкл кивнул.

– Значит, призрак.

– Надеюсь, нет.

Майкл склонил голову набок и нахмурился.

Я бросил ветку и развел руками.

– Как правило, максимум, на что способны духи – это перемещать физические тела рывками. Ну там, опрокидывать горшки и кастрюли. Если постараться – может, даже сбросить на кого-нибудь стопку книг, – я махнул рукой в сторону растерзанных роз, потом назад – на изуродованные машины. – Ну, конечно, и еще кое-что, но, во всяком случае, это всегда привязано к определенному месту, времени или событию. Призрак, если это был он, преследовал Лидию до этого места, потом учинил погром на священной территории. Я имею в виду, это просто улет. Эта тварюга на порядок сильнее любого призрака из тех, с кем я когда-либо встречался.

Майкл нахмурился еще сильнее.

– Что вы хотите этим сказать, Гарри?

– Я хочу сказать, это может оказаться нам просто не по зубам. Послушайте, Майкл, я неплохо разбираюсь в нечисти и всяких там страшилках. Но основная-то моя специальность все-таки не они.

Он хмуро покосился на меня.

– Нам нужно разузнать о них больше.

Я встал и отряхнул колени.

– Вот это, – сказал я, – моя специальность. Ладно, пошли, поговорим с отцом Фортхиллом.

Майкл постучал в дверь. Та без промедления приоткрылась. Отец Фортхилл, седеющий джентльмен довольно хрупкого сложения и среднего роста, воззрился на нас сквозь

древние, напоминающие пенсне очки в тонкой проволочной оправе. Глаза его, обыкновенно голубые, яркостью не уступающие яйцам малиновки, этим утром изрядно покраснели.

– О, Майкл. Слава Богу, – он отворил дверь шире, и Майкл ступил через порог. Они обнялись. Фортхилл чмокнул Майкла в обе щеки, потом отступил на шаг и посмотрел на меня. – И Гарри Дрезден, профессиональный чародей. Да, ни разу мне еще прежде не приходилось освящать целую пятигаллонную канистру воды, мистер Дрезден.

Майкл удивленно уставился на меня: то, что мы со священником знали друг друга, явно оказалось для него сюрпризом. Я немного смущенно пожал плечами.

– Вы же сами говорили, что я могу во всем на него положиться.

– Действительно, можете, – подтвердил Фортхилл, и глаза его на мгновение блеснули из-под очков. – Надеюсь, к качеству святой воды претензий нет?

– Абсолютно никаких, – ответил я. – Впрочем, можете спросить у вампиров.

– Гарри, – не выдержал Майкл, – вы снова что-то утаиваете.

– Что бы там ни думала про меня Черити, Майкл, я не бросаюсь к телефону звонить вам каждый раз, когда сталкиваюсь с проблемами, – я хлопнул его по плечу и протянул руку отцу Фортхиллу. Тот пожал ее с серьезным видом. Со мной обошлись без объятий и чмоканий в щечку.

– С нетерпением жду дня, – улыбнулся мне Фортхилл, – когда вы посвятите свою жизнь Господу, мистер Дрезден. Ему пригодятся люди с вашей отвагой.

Я постарался улыбнуться в ответ, но, боюсь, улыбка вышла несколько вымученной.

– Послушайте, святой отец, я с удовольствием побеседую с вами на эту тему как-нибудь, но сейчас мы к вам по делу.

– Разумеется, – согласился Фортхилл. Энтузиазма в его взгляде несколько убавилось, и он разом посерьезнел. Он повернулся и зашагал по чисто убранному коридору с темными деревянными балками на потолке и изображениями святых на стенах. Мы старались не отставать от него. – Видите ли, вчера, как раз перед заходом солнца ко мне пришла молодая дама.

– И как, с ней все было в порядке?

Он насупил кустистые брови.

– В порядке? Я бы ответил отрицательно. Все признаки душевного смятения. Сильное истощение. К тому же у нее явно была температура, хотя и не слишком высокая, и еще, она в последний раз принимала душ довольно давно. В общем, вид такой, словно она спасается от чего-то бегством.

Я нахмурился.

– Угу. Мне тоже показалось, она не в лучшей форме, – я вкратце изложил свой разговор с Лидией и мое решение помочь ей.

Отец Фортхилл покачал головой.

– Я дал ей чистую одежду и накормил. Я как раз собирался отослать ее спать, когда это случилось.

– Что случилось.

– Ее начало трясти, – ответил Фортхилл. – Глаза закатились. Она так и осталась сидеть за столом, но опрокинула тарелку супа на пол. Я решил, что у нее припадок, и попытался удержать и сунуть ей что-нибудь в рот, чтобы она не прикусила языка, – он вздохнул и заложил руки за спину. – Боюсь, я мало чем мог помочь бедной девочке. Припадок, похоже, прошел через несколько секунд, но она продолжала дрожать и вся побелела.

– Слезы Кассандры, – сказал я.

– Или наркотическая ломка, – заметил Фортхилл. – Так или иначе, она нуждалась в помощи. Я отвел ее в спальню. Она умоляла не оставлять ее одну, поэтому я сел рядом и принялся читать ей отрывки из Святого Матвея. Она, казалось, немного успокоилась, но взгляд ее… – пожилой священник вздохнул. – Взгляд у нее был такой, словно она знала точно, что пропала. Отчаяние – и у столь юной девушки…

– Когда на вас напали?

– Минут через десять после этого, – ответил священник. – Все началось с жуткого такого завывания ветра. Господь да простит мне мое неверие, но в ту минуту я не сомневался, что окна не выдержат и разлетятся под его порывами. Потом мы услышали со двора звуки, – он судорожно сглотнул. – Ужасные звуки. Кто-то расхаживал взад-вперед. Тяжелые та-

кие шаги. А потом кто-то начал звать ее по имени, – священник зябко охватил себя руками. – Я встал и обратился к этому существу, спросив, как его зовут, но оно только рассмеялось в ответ. Я начал заклинать его словами Священного Писания, и оно совершенно обезумело. Мы слышали, как оно сокрушает все на улице. Не побоюсь признаться вам, страшнее этого я в жизни ничего не испытывал.

Девушка пыталась уйти. Выйти к этому существу. Она говорила, что не желает, чтобы со мной что-то случилось, что оно до нее все равно доберется. Ну, разумеется, я запретил ей это, и отказался выпустить ее. Это, снаружи, продолжало погром, а я продолжал читать девушке вслух Писание. Существо на улице продолжало ждать. Я… я ощущал его присутствие, но в окно ничего не видел. Только темноту. Ну, и слышал, когда оно сокрушало что-то еще.

Ну, через несколько часов оно, похоже, утихомирилось. Девушка уснула. Я обошел помещения проверить, все ли окна и двери на запоре, а когда вернулся, она исчезла.

– Исчезла? – переспросил я. – Исчезла в смысле – ушла? Или просто исчезла на ровном месте?

Фортхилл неуверенно улыбнулся.

– Задняя дверь оказалась не заперта, хотя она и прикрыла ее за собой, – священник покачал головой. – Разумеется, я немедленно позвонил Майклу…

– Нам необходимо найти эту девушку, – сказал я.

Фортхилл мрачно кивнул.

– Мистер Дрезден, я уверен, что только властью Всевышнего мы нынче остались целы в этих стенах.

– Не буду с вами спорить, отец.

– И все же… доведись вам ощутить всю злобу этого существа, всю его… ярость, Мистер Дрезден… Мне бы не хотелось встретиться с ним вне церкви, не обратившись к помощи Господа.

– А я разве не обратился к ней? – я ткнул пальцем в Майкла. – Блин, да разве одного Рыцаря Креста недостаточно? И я всегда могу свистнуть двум остальным.

Фортхилл улыбнулся.

– Я вовсе не об этом, и вы это прекрасно понимаете. Впрочем, как хотите. Решение принимать вам самим, – он поднял взгляд на нас обоих. – Надеюсь, джентльмены, я могу полагаться на ваше молчание в этом вопросе? В полицейском протоколе наверняка будет записано лишь, что неизвестные лица учинили акт вандализма.

Я фыркнул.

– Немного лжи во благо, Святой отец? – я сразу пожалел, что сказал это, но, черт, я устал от вежливых бесед.

– Зло черпает силы из страха, мистер Дрезден, – ответил Фортхилл. – В нашей Церкви имеются специальные учреждения, которые занимаются подобного рода делами, – он на мгновение положил руку на плечо Майклу. – Однако огласка этих событий, пусть даже среди братии, не приведет ни к чему, только напугает множество людей и тем самым помо-

жет врагу творить зло.

Я согласно кивнул.

– Разумный подход, Святой отец. Вы рассуждаете почти как чародей.

Брови его удивленно поползли вверх, но почти сразу же он устало рассмеялся.

– Молю вас, будьте осторожны, и да пребудет с вами Бог, – он перекрестил нас, и я ощутил сгущение энергии, как порой вблизи от Майкла. Вера. Майкл с Фортхиллом обменялись вполголоса несколькими словами о семье Майкла – я держался в стороне. Фортхилл вызвался крестить младенца, когда бы Черити ни разрешилась от бремени. Они снова обнялись, потом Фортхилл обменялся со мной дружеским, но все-таки деловым рукопожатием, и мы ушли.

Оказавшись на улице, Майкл посмотрел на меня.

– Ну, – спросил он. – Что дальше?

Я нахмурился и сунул руки в карманы. Солнце поднялось уже довольно высоко; по ярко-голубому небу бежали пухлые белые облачка.

– Я знаю одного типа, довольно тесно общающегося с местной нечистью. Этого психа в Олдтауне.

Майкл нахмурился и сплюнул.

– Некроманта.

Я фыркнул.

– Он не некромант. Максимум, на что он способен – это вызвать духа, чтобы поговорить с ним, да и то с трудом. По

большей части ему приходится прибегать к дешевым трюкам, – я умолчал о том, что будь он настоящим некромантом, Белый Совет давно уже прижал бы его к ногтю. Я совершенно не сомневался в том, что к тому, о ком я говорил, наведывался по меньшей мере один из наших церберов и предупреждал его о возможных последствиях слишком жгучего интереса к темным искусствам.

– Зачем тогда с ним вообще говорить, если он такой бездарь?

– Возможно, он ближе к потустороннему миру, чем кто бы то ни было другой в нашем городе. Ну, не считая меня, конечно. И еще, я пошлю на разведку Боба – посмотрим, что ему удастся нарыть. Чем больше источников информации, тем лучше.

Майкл хмуро посмотрел на меня.

– Не доверяю я этой практике общения с духами, Гарри. Если отцу Фортхиллу или кому-нибудь из остальных станет известно об этом вашем приятеле…

– Боб не приятель, – возразил я.

– Но функции выполняет именно эти, не так ли?

Я возмущенно фыркнул.

– Приятели работают за так. Бобу-то я плачу.

– Платите? – подозрительно переспросил он. – Чем платите?

– В основном дамскими романами. Ну, иногда еще я трачусь на…

Майкл выглядел потрясенным до глубины души.

– Право же, Гарри, я не хочу знать. Неужели вы не можете рассчитать какое-нибудь заклинание прямо здесь, вместо того, чтобы полагаться на этих нечистых?

Я вздохнул и покачал головой.

– Мне очень жаль, Майкл. Будь он демоном, он оставил бы следы и еще какие-либо физические проявления, по которым я мог бы его найти. Но я совершенно уверен в том, что это был дух. Только чертовски сильный.

– Гарри! – сурово произнес Майкл.

– Извините, сорвалось. Призраки редко вселяются в оболочку, в магическое тело. Это всего лишь сгустки энергии. Они не оставляют за собой физических следов – во всяком случае, таких, которые сохранились бы дольше часа-полутора. Если бы он находился ***здесь*** сейчас, возможно, я бы смог рассказать о нем больше и попытался бы напрямую воздействовать на него своей магией. Но его здесь нет, так что…

Майкл вздохнул.

– Очень хорошо. Я попрошу тех, с кем связан, поискать девушку. Как вы сказали, ее зовут? Лидия?

– Угу, – я описал ее Майклу. – И на запястье у нее был оберег. Тот браслет, что я носил несколько последних вечеров.

– А он ее защитит? – поинтересовался Майкл.

Я пожал плечами.

– От чего-то, столь опасного, как представляется по опи-

санию эта тварь… Если честно, не знаю. Нам необходимо узнать, кем был этот призрак при жизни, и унять его.

– Что так и не говорит нам ничего о том, кто или что будоражит призраков в городе, – Майкл отворил дверцу пикапа, и мы уселись в машину.

– Что мне нравится в вас, Майкл – так это то, что вы всегда мыслите позитивно.

Он ухмыльнулся в ответ.

– Вера, Гарри. Господь Бог умеет присматривать за тем, чтобы все рано или поздно устраивалось.

Он тронул машину с места, я откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Первым делом поговорить с этим моим психом. Потом послать Боба разузнать побольше о том, что выглядело как самый опасный призрак из всех, с которыми мне приходилось иметь дело несколько последних лет. А потом отыскать того, кто стоит за всей этой чертовщиной и ласково гладить его по головке до тех пор, пока он не исправится. Просто, как два пальца об асфальт.

Я поежился, устроился поудобнее и остро пожалел о том, что вообще встал сегодня утром из теплой постели.

Глава десятая

Мортимер Линдквист пытался придать своему дому этакую готическую мрачность. По углам крыши торчали замшелые химеры. С улицы к дому вели кованые чугунные ворота и проезд, с обеих сторон обставленный статуями. Палисадник зарос высокой травой. Когда б его дом не представлял собой крытый красной черепицей, оштукатуренный клон южно-калифорнийского особняка, это, возможно, и сработало бы.

В результате его трудов дом выглядел скорее как диснейлендовский дом призраков, чем зловещая обитель заклинателя мертвых. К черным чугунным воротам с обеих сторон примыкала обычная изгородь из проволочной сетки. Химеры при более пристальном рассмотрении оказывались пластиковыми копиями. Крашеный гипс скульптурных изваяний тоже мало напоминал благородный мрамор. В нетронутые заросли так и напрашивался розовый фламинго. Впрочем, я вполне допускаю, что при надлежащем освещении и с надлежащих ракурсов это могло и произвести впечатление на кого-нибудь.

Я тряхнул головой и поднял руку, чтобы постучать в дверь.

Она отворилась прежде, чем я успел коснуться ее, и прямо на меня, пыхтя, попятилась спиной вперед фигура с по-

катыми плечами, увенчанными блестящей лысиной. Я отступил вбок, пропуская ее. Маленький человечек вытащил на крыльцо здоровенный чемодан и, так и не замечая меня, остановился вытереть пот с лысины.

Я скользнул за его спиной в дверь, тогда как он, бормоча что-то себе под нос, повернулся тащить свой чемодан к калитке. Я покачал головой и прошел в дом. Дверь служила входом для посетителей – никакого покалывающего ощущения, обычного при пересечении порога чьего-либо жилища, я не почувствовал. Прихожая сразу же давала представление о характере внутреннего убранства всего дома. Черные драпировки на стенах, дверях и окнах. Расставленные повсюду красные и черные свечи. Ухмыляющийся человеческий череп на полке, где тома Британской энциклопедии соседствовали с нацарапанными на коже неопределенного происхождения письменами. Череп, разумеется, тоже был из пластмассы.

Из обстановки Морти держал в этом помещении стол, вокруг которого стояло несколько стульев, а за ним, лицом к дверям – кресло с высокой спинкой, украшенное резными чудовищами. Я уселся в кресло, положил руки на стол перед собой и принялся ждать.

Человечек вернулся почти сразу же, вытирая лицо платком-банданой, пыхтя и отдуваясь.

– Закрой дверь, – сказал я. – Потолковать надо, Морти.

Он подпрыгнул и уставился на меня.

– В-вы, – пролепетал он. – Дрезден. Что это вы здесь делаете?

Я пристально посмотрел на него.

– Да ты заходи, Морти.

Он сделал шаг к столу, но дверь за собой не закрыл. Несмотря на всю свою округлость, двигался он с беспокойной резкостью потревоженной кошки. На белой рубашке выступили подмышками темные пятна.

– Послушайте, Дрезден. Я же говорил уже вашим парням: я соблюдаю все ваши гребаные правила, ясно? Ничего я такого не делал, что вы хотите мне припаять.

Ага. Значит, Белый Совет все-таки посылал к нему кого-то. Морти был профессиональным мошенником. Я не рассчитывал вытянуть из него хоть один правдивый ответ, не затратив на это изрядных усилий. Что ж, можно попробовать разыграть эту карту – это сэкономит время и силы.

– Позволь сказать тебе кое-что, Морти. Когда я прихожу к кому-то и не говорю ничего, кроме «давай поговорим», а в ответ слышу: «Это не я, не я!» – это невольно заставляет заподозрить, что тот, к кому я обращаюсь, в чем-то замешан. Ты понимаешь, о чем я?

Его раскрасневшееся лицо разом заметно побледнело.

– Не выйдет, приятель. Послушайте, я не имею никакого отношения к тому, что творится. Я в этом не виноват, да и не мое это дело, вот как.

– К тому, что творится, – повторил я. Некоторое время

я смотрел на свои сцепленные пальцами руки, потом снова поднял взгляд.

– К чему чемоданчик, а, Морти? Похоже, тебе приспичило уехать на время из города?

Он судорожно сглотнул и поежился.

– Послушайте, Дрезден… мистер Дрезден. У меня сестра заболела, понимаете? Вот я и собираюсь ее проведать.

– Конечно, конечно, – кивнул я. – Только это и ничего больше. Уехать из города, чтобы проведать больную сестру.

– Богом клянусь, – с самым что есть искренним видом заявил Морти, подняв руку.

Я указал на стул напротив.

– Сядь, Морти.

– Я бы с удовольствием, только такси вот-вот придет, – он повернулся к двери.

– *Ventas servitas*, – театрально прошипел я (очень классно вышло!), и швырнул в дверь небольшой сгусток воли. Внезапный порыв ветра захлопнул дверь прямо у него перед носом. Он взвизгнул, попятился от двери и повернулся ко мне.

Остаток заклинания я потратил на то, чтобы выдвинуть ему стоявший напротив меня стул.

– Присядь, Морти. У меня к тебе несколько вопросов. Ответишь на них быстро – успеешь на такси. А не ответишь… – я зловеще оборвал фразу. Что хорошо в намеках – так это что люди как правило воображают себе вещи куда страшнее, чем то, что ты можешь с ним сделать. Тут главное – оставить

простор воображению.

Он уставился на меня и снова судорожно сглотнул, шевеля кадыком. Потом осторожно, мелкими шажками подобрался к стулу, словно ожидая, что стоит ему сесть, как из стула вылетят цепи и сами собой прикуют его. Он умостился на самом краешке стула, нервно облизнул губы и посмотрел на меня, возможно, выдумывая ложь поудобнее на те вопросы, что он ожидал от меня.

– Знаешь, Морти, – сказал я, – а я ведь читал твои книжки. *«Духи Чикаго». «Потусторонний Фактор»* . Ну там, еще две или три. Ты неплохо поработал.

Выражение лица его изменилось; глаза подозрительно сощурились.

– Спасибо.

– Я хочу сказать, лет двадцать назад ты был чертовски неплохим исследователем. Чувствительности к духовным энергиям у тебя не отнять. Ты был – то, что у нас называется эктомант от природы.

– Угу, – согласился он. Если не его голос, то уж взгляд немного смягчился. Впрочем, смотреть в упор мне в лицо он избегал. Да что там, не он первый. – Только это было давно.

Я старался сохранять то же выражение голоса.

– И что теперь? Ты пробавляешься дешевыми сеансами. Как часто тебе действительно удается установить контакт с духом? Один раз из десяти? Или из двадцати? И что у тебя осталось от настоящего дара, а?

Чего-чего, а прятать свои эмоции он умел. Надо отдать ему должное. Но и я неплохо умею наблюдать за людьми. В том, как он держал шею и плечи, я разглядел злость.

– Я на законных основаниях оказываю помощь тем, кто в ней нуждается.

– Черта с два. Ты играешь на их горе, чтобы вытянуть из них сколько сможешь. Ты ведь и сам не веришь в то, что творишь добро – верно ведь, Морти – в глубине-то души? Ты можешь оправдывать это чем угодно, но тебе самому противно то, чем ты занимаешься. Будь это по-другому, твои способности не ослабли бы настолько.

Он стиснул зубы, не пытаясь больше скрыть злость – первая искренняя его реакция с того момента, как он увидел меня за своим столом.

– Если у вас ко мне дело, Дрезден, выкладывайте. Мне еще на самолет успеть надо.

Я положил руки ладонями на стол и растопырил пальцы.

– В последние две недели, – начал я, – всякая нечисть совершенно съехала с катушек. Ты, наверное, и сам знаешь, сколько пакости они уже натворили. Полтергейст в доме Кэмпбеллов. Чудище в университетском подвале. Агата Хэгглторн в Кук-Каунти.

Морти поморщился и снова вытер пот с лица.

– Ну слышал, слышал. Вы с Рыцарем Креста справились с худшими случаями.

– Что еще происходит, Морти? Учти: я раздражительный

– очень уж от недосыпания колбасит – так что выкладывай быстро и четко.

– Не знаю, – буркнул он. – Я же утратил силу, не забывайте.

Я сощурил глаза.

– Но ты же слышишь кое-что, верно? У тебя до сих пор кое-какие связи в Небывальщине. Почему ты уезжаешь из города?

Он рассмеялся, хотя и не слишком весело.

– Вы сказали, вы читали все мои книги. Значит, и *«Они Восстанут»*– тоже?

– Перелистал. Типичный вздор о конце света. Я так понял, ты слишком много общался не с теми духами. Они страсть как любят продавать людям Армагеддон. Большинство такие же мошенники, как и ты.

Он не обратил на мои слова никакого внимания.

– Значит, вам известна и моя теория насчет барьера между нашим миром и Небывальщиной. И о том, что он медленно, но неуклонно разрушается.

– И тебе кажется, что он начал рушиться окончательно? Морти, эта стена существует с начала времен. Не думаю, чтобы она рухнула именно сейчас.

– ***Стена,***– он презрительно хмыкнул. – Скорее, тонкая пленка. Кисельный берег. Она изгибается, и размывается, – он поежился и вытер вспотевшие ладони о штаны.

– И сейчас она рушится?

– Да вы посмотрите вокруг себя! – он почти кричал. – Боже мой, чародей. За последние две недели граница вихляется как бедра у шлюхи на панели. Какого черта, вы думаете, все эти духи так всполошились?

Я сделал вид, что крик его меня совсем не смущает.

– Так ты утверждаешь, что эта нестабильность дает духам возможность легче проникать в наш мир?

– А еще делает духов, возникающих при смерти людей, сильнее и крепче, – добавил он. – Вы думаете, те, с которыми вы имели дело в последние дни, самые крутые? Подождите, пока какую-нибудь студентку-отличницу не пришьют случайно в гангстерской разборке. Или пока добродетельный семьянин не испустит дыхание от СПИДа, которым его заразят по халатности при переливании крови.

– Призраки крупнее и опаснее, – медленно произнес я. – Суперпризраки. Вот, значит, что ты имеешь в виду.

Он хрипло рассмеялся.

– На подходе новое поколение вирусов. Жизнь вообще превратится в ад. Боюсь, у вас теперь будет больше проблем с нападениями демонов, чем с уличными бандами.

Я покачал головой.

– Ладно, – вздохнул я. – Допустим, я покупаю эту твою доктрину насчет того, что барьер не бетонный, а жидкий. Допустим, в нем существуют завихрения, облегчающие пересечение барьера в обе стороны. Может что-то искусственно вызывать эти возмущения?

– Откуда мне, черт подери, знать? – огрызнулся он. – Вам не понять, каково это, Дрезден – говорить с существами, которые жили в прошлом, которые живут сейчас и будут жить в будущем. Приглашать их к себе на закуски, чтобы они рассказали вам, как укокошили жену во сне…

– Я хочу сказать, вам кажется, что все под контролем, но в конце концов все идет прахом. Мошенничать проще и спокойнее, Дрезден. Тут ты сам все решаешь. Людям ведь по барабану, действительно ли дядюшка Джеффри простил их за то, что они не явились к нему на день рождения. Им просто хочется услышать, что окружающий их мир – такое место, где дядюшка Джеффри обязательно их простит, – он замолчал и окинул взглядом полку с фальшивыми фолиантами и фальшивым черепом. – Вот это я им и продаю. Утешение. Это вроде телевидения: все хотят знать, что все будет хорошо, и просто счастливы платить за это.

На улице посигналила машина. Морти свирепо покосился на меня.

– Ну что, ко мне больше ничего?

Я кивнул.

Он вскочил на ноги, и щеки его чуть порозовели – правда, пятнами.

– Видит Бог, мне нужно выпить. Уезжайте из города, Дрезден. Нынче ночью наведывалось что-то такое, чего я никогда еще не встречал.

Я вспомнил покореженные машины и остатки роз.

– Тебе известно, что это было?

– Большое, – сказал Морти. – И злобное как… как… Оно жаждет крови, Дрезден. И сомневаюсь, чтобы вам или кому-либо еще удалось остановить его.

– Но это призрак?

Он улыбнулся мне волчьей ухмылкой. На его круглом, с широко посаженными глазами лице она казалась особенно зловещей.

– Это Кошмар, – он повернулся и пошел к двери. Я с радостью отпустил бы его, но не мог. Этот человек стал лжецом, ловким мошенником… впрочем, он и раньше был таким.

Я встал и толчком прижал его к двери, схватив за руку. Он выдернул руку и повернулся ко мне, вызывающе глядя мне в глаза. Я отвел взгляд. Что-то мне не очень хотелось заглядывать в душу Мортимера Линдквиста.

– Морти, – негромко произнес я. – Отдохни от своих сеансов – хоть на время. Поезжай в какое-нибудь тихое место. Почитай. Отоспись. Ты ведь стал старше, сильнее. Дай себе шанс – и твои силы вернутся.

Он снова рассмеялся – устало, безнадежно.

– Разумеется, Дрезден. Что-нибудь в этом роде.

– Морти…

Он отвернулся и вышел. Он даже не позаботился запереть за собой дом. Я стоял на крыльце и смотрел, как он садится в такси, ожидавшее его у тротуара. Он запихнул свой чемодан на заднее сиденье и сам полез следом.

Прежде, чем машина тронулась с места, он опустил стекло.

– Дрезден, – окликнул он меня. – Под моим креслом есть ящик. Мои записи. Если вам так уж хочется свернуть себе шею, пытаясь выстоять против этой твари, хоть будете знать, во что ввязываетесь.

Он поднял стекло, и машина тронулась с места. Некоторое время я смотрел ей вслед, потом вернулся в дом. Я нашел выдвижной ящик, спрятанный под подушкой резного кресла, а в ящике – три толстых тетради в кожаной обложке. Пергаментные страницы их были исписаны почерком, четким и аккуратным в самых ранних записях, и едва разборчивыми каракулями в самых свежих по времени. Я поднес тетради к лицу и вдохнул аромат кожи, бумаги и чернил – настоящих, а не всяких там геля или пасты.

Морти мог ведь и не отдавать мне своих записей. Возможно, какие-то корни его личности и не погибли еще. Возможно, я чуть помог ему этим своим советом. Во всяком случае, мне хотелось бы так думать.

Я сделал глубокий вздох и пошел к телефону заказать такси и себе самому. Нужно было постараться освободить из-под ареста «Жучка» – если получится. Может, Мёрфи смогла бы помочь мне в этом.

Я взял тетради и вышел на крыльцо дожидаться такси, захлопнув за собой дверь. Что-то здоровенное шляется по городу, так говорил Морти.

– Кошмар, – произнес я вслух.

Может, Морти и не ошибается? Может, барьер, отделяющий мир духов от нашего, рушится к чертовой матери? От этой мысли мне сделалось не по себе. Что-то назревало, и это «что-то» было огромным и ужасным. И чутье мое подсказывало, что все это не просто так. Все силы, добрые или злые, догадывается об этом их обладатель или нет, имеют какую-то цель.

Значит, этот Кошмар явился сюда с какой-то целью. Интересно, что ему все-таки нужно. И что он для этого будет делать.

Я боялся, что узнаю это, и даже слишком скоро.

Глава одиннадцатая

Непримечательная машина с обычными номерами, в которой сидело двое непримечательных мужчин в штатском, ждала меня у подъезда к моему дому.

Я вылез из такси, расплатился и кивнул тому, что сидел за рулем – детективу Рудольфу. За год, проведенный в отделе Специальных Расследований – негласном ответе Чикаго официально не признаваемому миру сверхъестественного – Руди мало изменился внешне. И все же время немного закалило его и уж наверняка добавило теней под глазами.

Рудольф кивнул мне в ответ, даже не стараясь скрыть раздражения. Он меня терпеть не может. Может, из-за истории, имевшей место несколько месяцев тому назад. Руди слинял с места происшествия, вместо того, чтобы держаться поближе ко мне. А еще перед этим мне пришлось сбежать из кутузки, в которой ему полагалось за мной следить. Вообще-то у меня имелся чертовски серьезный повод удрать оттуда, так что с его стороны некрасиво держать на меня за это зуб… Однако интересно, что привело его ко мне?

– Салют, детектив, – произнес я. – С чем пожаловал?

– Садись в машину, – буркнул Рудольф.

Я расставил ноги пошире и сунул руки в карманы.

– Я что, арестован?

Рудольф сощурил взгляд и открыл было рот для ответа,

но сидевший справа от него мужчина положил руку ему на плечо.

– Привет, Гарри, – кивнул мне сержант Джон Столлингз.

– Как дела, Джон? Чему обязан визитом?

– Мёрф попросила нас пригласить тебя на место происшествия, – он поднял руку и поскреб недельную щетину на подбородке. – Надеюсь, ты не слишком занят. Мы звякнули было к тебе в офис, но ты сегодня туда еще не заезжал, вот она и послала нас сюда.

Я помахал тетрадками Морти Линдквиста.

– Вообще-то я сегодня занят. С этим нельзя подождать?

Рудольф сплюнул на землю.

– Лейтенант сказала, ты ей нужен сейчас, так что шевели задницей и лезь в машину. Ну?

Столлингз покосился на него и закатил глаза.

– Послушай, Гарри. Мёрфи просила передать тебе, что это личная просьба.

Я нахмурился.

– Личная, говоришь?

Он развел руками.

– Так она сказала, – он нахмурился. – Это Микки Малон, – добавил он.

Я ощутил неприятную пустоту внутри.

– Мертв?

Столлингз поиграл желваками на скулах.

– Тебе лучше посмотреть самому.

Я зажмурился, стараясь не выдать досады. Мне некогда было отвлекаться. Мне предстояло еще разобраться с записками Морти, а это никак не меньше нескольких часов, и до заката, когда духи и призраки смогут проникать к нам из Небывальщины, оставалось не так уж и много времени.

Но Мёрфи сделала для меня очень много. Я был перед ней в долгу. Пару раз она спасала мне жизнь, ну и так далее. К тому же она являлась основным источником моих заработков. Кэррин Мёрфи возглавляла отдел Специальных Расследований – пост, который традиционно означал пару месяцев просиживания штанов, за чем следовало незамедлительное увольнение из полиции. Мёрфи штанов не просиживала – она начала с того, что наняла в качестве консультанта единственного профессионального чародея в Чикаго – то есть меня. Собственно, она и сама научилась неплохо справляться с местными сверхъестественными хищниками, по крайней мере, с большей их частью, хотя когда дело приобретало серьезный оборот, продолжала вызывать меня. В документах я проходил в качестве консультанта-следователя. Боюсь, что в компьютерных досье отсутствуют кодовые обозначения для таких операций, как усмирение демона, прорицания с помощью заклятий или экзорцизм.

Самое серьезное дело, с которым пришлось столкнуться отделу Специальных Расследований – с таким редко кому вообще приходится сталкиваться кроме чародеев вроде меня – имело место всего год назад, когда в городе объяви-

лась стая неизничтожимых оборотней. Не обошлось без серьезных потерь – погибло шесть человек включая напарника Мёрфи. Микки Малон отделался рваной раной бедра. Он отлежался в больнице и принял участие в еще одной, последней операции, когда мы с Майклом накрыли того заклинателя демонов. Однако после нее он решил, что хромота не позволяет ему больше оставаться хорошим полицейским, и уволился по инвалидности.

Я ощущал себя виноватым – возможно, я и наговариваю на себя, но действуй я тогда чуть умнее или быстрее – как знать, может, я и спас бы жизнь тем людям. И здоровье Микки. Никто не винил меня в этом, только я сам.

– Хорошо, – сказал я. – Дайте только мне занести это в дом.

Поездка прошла спокойно, в молчании, если не считать нескольких ничего не значащих реплик Столлингза. Рудольф меня игнорировал. Я закрыл глаза и старался забыть о боли во всем теле. Радио Рудольфа взвизгнуло и стихло. Я унюхал запах горелого пластика или чего-то в этом роде и понял, что это, скорее всего, моя вина.

Я приоткрыл глаз и увидел, что Рудольф свирепо смотрит на меня в зеркало заднего вида. Я улыбнулся и снова закрыл глаза. Козел.

Машина остановилась в жилом квартале где-то в районе Нью-Эрмитидж, в Бактауне. Район получил свое название из-за проживавшего в нем некогда обилия иммигрантов, ко-

торые пасли у себя в палисадниках коз. Застройку тогда составляли маленькие домишки, под завязку забитые большими семьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.